

Кафедра русской истории (XIX – XXI вв.)
Институт истории и социальных наук
Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена
(Герценовский университет)

ГЕРЦЕНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2020
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РУССКОЙ ИСТОРИИ

**ГЕРЦЕНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2020
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РУССКОЙ ИСТОРИИ**

Санкт-Петербург
Астерион
2021

ББК 63.3(2); ТЗ(2)я43
УДК 94(47)
Г41

Печатается по решению кафедры русской истории (XIX–XXI вв.)
Института истории и социальных наук
РГПУ им. А.И. Герцена

Г41

Герценовские чтения 2020. Актуальные проблемы русской истории :
Сборник научных и учебно-методических трудов / Ред. кол.: А.Б.
Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Л.Г. Рогушина, Т.Г. Фруменкова. –
СПб.: Астерион, 2021. – 412 с.

ISBN 978–5–00188–019–6

Сборник «Герценовские чтения 2020» включает в себя материалы всероссийской научной конференции, которая была проведена 23–24 октября 2020 г. кафедрой русской истории Института истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена. Статьи сборника посвящены рассмотрению актуальных проблем русской истории.

ББК 63.3(2); ТЗ(2)я43
УДК 94(47)

ISBN 978–5–00188–019–6

- © Коллектив авторов, 2021
- © А.Б. Николаев, идея, отв.
редактор и отв. составитель, 2021
- © Л.Г. Рогушина, Т.Г. Фруменкова,
редактирование, 2021
- © Адамский С.М., иллюстрация
на обложке, 2021

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

История «Герценовских чтений», как научной конференции, начинается во второй половине 1940-х гг.¹ И в этой истории были свои взлеты и спады. С 1997 года они стали проходить в Институте истории и социальных наук (ранее – факультет социальных наук, факультет истории и социальных наук) РГПУ им. А.И. Герцена на постоянной основе. Каждый год, как правило в апреле месяце, все кафедры ИИСН РГПУ проводят «Герценовские чтения». По их итогам выпускались сборники статей. Заметим, что в 1998 – 2013 гг. в них публиковались материалы практически всех кафедральных конференций, а сам сборник носил характер факультетского, что нашло отражение и в его названии – «Герценовские чтения. Актуальные проблемы социальных наук». Настало время, когда уже все кафедры стали издавать свои сборники и факультетский проект прекратил свое существование.

С 2014 года и по настоящее время кафедра русской истории публикует материалы «Герценовских чтений» в сборнике, который называется «Актуальные проблемы русской истории». Заметим, что в нем также публикуются учебно- и научно-методические труды, обзоры и рецензии. Можно утверждать, что этот сборник приобрел характер ежегодных трудов кафедры русской истории. Он индексируется в РИНЦ и востребован учеными. Так, в РИНЦ на 7 апреля 2021 выявлено 279 цитирований статей по русской истории, опубликованных в «Герценовских чтениях» в 1998 – 2020 гг., из них 15 из ядра РИНЦ.

23 – 24 октября 2020 г. кафедра русской истории ИИСН РГПУ провела в Zoom очередную ежегодную всероссийскую научную конференцию «Герценовские чтения. Актуальные проблемы русской истории». В ее оргкомитет вошли доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории А.Б. Николаев (председатель), кандидаты исторических наук, доценты кафедры русской истории ИИСН РГПУ Д.А. Бажанов, Л.Г. Рогушина и Т.Г. Фруменкова, ассистент кафедры русской истории РГПУ Е.С. Гавроева (секретарь), председатель СНО при кафедре русской истории студент 2 курса магистратуры Р.А. Бугаев.

Оргкомитет организовал прием заявок на конференцию. Всего поступило 73 заявки, из них 22 студенческих (РГПУ, СПбГУ и др.). Среди подавших заявки были ученые из Санкт-Петербурга, Москвы, Всеволожска и Выборга (Ленинградская обл.) и Могилева (Беларусь).

---

¹ Орляновский В.Ю. «Герценовские чтения»: взгляд в прошлое (по материалам фундаментальной библиотеки РГПУ им. А.И. Герцена) // Герценовские чтения 2006. Актуальные проблемы социальных наук. Сборник научных и учебно-методических трудов / Отв. ред. В.В. Барабанов, сост. А.Б. Николаев. СПб., 2006. С. 5.

Конференция работала по пяти секциям – «История России до XX века», «История России в начале XX века (1900 – 1917 гг.)», «Роковой старец и крах императорской России: Григорий Распутин в оценках современников и потомков», «Новейшая история России», «Историко-педагогические исследования». Все секционные заседания, кроме «Новейшей истории России», прошли 24 октября 2020 г. Руководили работой первой секции доценты кафедры русской истории РГПУ Л.Г. Рогушина и Т.Г. Фруменкова, второй – заведующий кафедрой русской истории РГПУ А.Б. Николаев и доцент кафедры русской истории Д.А. Бажанов, третьей – старший преподаватель кафедры проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук факультета свободных искусств и наук СПбГУ Д.А. Коцюбинский, четвертой, которая состоялась 23 октября – профессор кафедры русской истории РГПУ А.Ю. Давыдов и доцент той же кафедры А.М. Захаров, пятой – доцент кафедры русской истории РГПУ Т.И. Пашкова и доцент кафедры теории и истории педагогики РГПУ К.В. Романенчук.

Как и всегда первой на «Герценовские чтения» откликнулась студенческая газета Института истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена «Двадцатый корпус». Авторы так охарактеризовали конференцию: «Дружеская встреча коллег, уютная атмосфера конференции при нетрадиционном формате, серьезные и одновременно захватывающие сюжеты докладов наших студентов, аспирантов, педагогов и приглашенных гостей стали основой “Герценовских чтений 2020”» (Осипова В., Шариш И., Егоренко Е., Питалина Д. Нетрадиционный формат традиционных чтений // Двадцатый корпус. 2020. Ноябрь. № 163. С. 4).

Больше половины докладов (40), предварительно переработанные авторами в статьи, публикуются в четырех разделах сборника – «Историко-педагогические исследования» (7), «Актуальные проблемы русской истории» (21), «Роковой старец и крах императорской России: Григорий Распутин в оценках современников и потомков» (6) и «Революция 1917 года в России: вопросы истории» (6).

В разделе «Историко-педагогические исследования» наибольший интерес представляет статья доцента кафедры русской истории РГПУ Т.Г. Фруменковой, которая на протяжении многих лет занимается историей Мариинских благотворительных заведений во время Отечественной войны 1812 г.¹ Ее новая статья посвящена пребыванию Московских жен-

---

¹ Фруменкова Т.Г. Московский воспитательный дом в 1812 г. // Воинский подвиг защитников Отечества. Вологда, 2000. С. 168 – 175; ее же. Финляндия и Северо-Запад России в планах эвакуации петербургских заведений Мариинского ведомства в 1812 г. // С.-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2006. С. 86 – 93; ее же. Из истории эвакуации Московских мариинских учебно-воспитательных заведений в 1812 г. // Герценовские чтения 2019. Актуальные проблемы русской истории / Отв. ред. А.Б. Николаев. СПб., 2020. С. 77 – 88 и др.

ских институтов, старших питомцев воспитательного дома, опекунского совета, а также сохранной и ссудной казны в эвакуации в Казани в 1812 – 1813 гг. По мнению автора, почетным опекунам при энергичной поддержке императрицы Марии Федоровны удалось создать в Казани терпимые условия для жизни и учебы воспитанников, а также для работы чиновников; впрочем, скученность детей привела к росту болезней. Интерес, несомненно, представляет исследование Т.И. Пашковой, специалиста по истории дореволюционного гимназического образования¹. В этот раз она посвятила свою статью вопросу о материальном положении учителей средней школы в контексте образовательных реформ начала XX в. Т.И. Пашкова приходит к выводу о том, «для характеристики материального положения педагогов средней школы на рубеже XIX – XX вв. как “вполне благополучного”, “достойного” и т.д., <...> нет достаточных оснований».

Во втором разделе публикуются, в частности, статьи преподавателей кафедры русской истории Л.Г. Рогушиной, активно изучающей историю общественной жизни и благотворительности в России в первой половине XIX века², М.А. Златиной, автора работ по истории благотворительности периода Первой мировой войны³, Е.С. Гавроевой, которая известна своими статьями о председателе IV Государственной думы М.В. Родзянко⁴, А.М. Захарова, специалиста по истории зарубежных славян в России начала XX века⁵, А.М. Смирновой, исследователя различных сторон истории

---

¹ См., напр.: Пашкова Т.И. Гимназии и реальные училища дореволюционного Петербурга. 1805 – 1917 гг. Исторический справочник. СПб., 2015.

² См., напр.: Рогушина Л.Г. Особенности общественной жизни в царствование Александра I // Клио. 2009. № 4 (47). С. 52 – 58; ее же. Общественная благотворительность пострадавшим от Отечественной войны 1812 г.: Женское Патриотическое общество (организация, структура, состав, деятельность) // Петербургские военно-исторические чтения. Всероссийская научная конференция с международным участием. Санкт-Петербург, 10 марта 2015 года. Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.Б. Николаев. СПб., 2016. С. 37 – 44.

³ См., напр.: Златина М.А. Основание Еврейского комитета помощи пострадавшим от войны и погромов (июль – сентябрь 1914 г.) // Герценовские чтения 2007. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.Б. Николаев. СПб., 2008. С. 107 – 110.

⁴ См. напр.: Гавроева Е.С. Болван? Негодяй? Мерзавец? К вопросу об оскорблении председателя Государственной думы М.В. Родзянко 22 ноября 1916 г. // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2016. Ч. 2. С. 94 – 100; ее же. М.В. Родзянко и Б.В. Штюрмер в 1916 г. // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2017. Ч. 1. С. 325 – 334.

⁵ См. напр.: Захаров А.М. Славянские вооруженные формирования в России (1917 – 1920 гг.): «встреча революций» или «проданный корпус»? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5-1 (19). С. 76 – 78.

Первой мировой войны¹ и А.Ю. Давыдова, крупнейшего специалиста по истории мешочничества, военного коммунизма и НЭПа². Несомненный интерес представляет работа главного архивиста ЦГИА СПб А.Г. Румянцева, который приобрел известность благодаря своим статьям о так называемых «полицейских пулеметах» в дни Февральской революции 1917 года в Петрограде³.

Л.Г. Рогушина в своей статье изучает деятельность государственных и общественных благотворительных организаций по оказанию помощи пострадавшим в ходе военных конфликтов во второй половине XIX века. Автор утверждает, что «к началу XX в. в России сформировалась система организованной благотворительности по отношению к пострадавшим в военных действиях». Вместе с тем Рогушина пишет и о недостатках этой системы: «законодательные основы благотворительной деятельности были противоречивыми и требовали совершенствования». Любопытно замечание автора о том, что «необходимо было создание четкой организации благотворительности, так как в это время для оказания одного вида помощи имелось несколько обществ, которые дублировали свою деятельность, и, напротив, оказывалось совсем немного обществ, оказывающих специализированную помощь». А.Г. Румянцев пишет о судьбе пристава 2-го участка Выборгской части П.Г. Зарембского в 1914 – 1917 гг. Автор приводит интересный материал об участии пристава Зарембского в подавлении забастовочного движения первой половины июля 1914 года и характеризует этот период в жизни его «героя» как «боевое крещение». А.М. Захаров возвращается в публикуемой в данном разделе сборника работе к вопросу о деятельности в России в период Первой мировой войны чехословацких разведчиков, о чем он уже писал ранее⁴. Автору удалось показать, что чехословацкая агентура за счет организованности и многогранности удачно использовалась при реализации военных планов Антанты и России – в частности. М.А. Златина уже опубликовала несколько работ, посвященных

¹ См. напр.: Смирнова А.М. Петербургская интеллигенция: патриотизм и пацифизм в начале Первой мировой войны // История Петербурга. 2005. № 3 (25). С. 31 – 36.

² См., напр.: Давыдов А.Ю. Третий фронт гражданской войны в России: мешочничество. СПб., 2019; его же. Военный коммунизм: народ и власть в революционной России. Конец 1917 г. – начало 1921 г. СПб., 2020; его же. Новая экономическая политика: власть, народ, хозяйство в послереволюционной России (1921 – 1929). СПб., 2021.

³ См., напр.: Румянцев А.Г. «Полицейские пулеметы» в Феврале 1917 года: миф или реальность? // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.Б. Николаев. СПб., 2015. С. 38 – 54.

⁴ См., напр.: Захаров А.М. «Агент трех разведок»: Виктор Воска в революционной России (сентябрь – декабрь 1917 г.). // Герценовские чтения 2018. Актуальные проблемы русской истории / Отв. ред. А.Б. Николаев. СПб., 2019. С. 262 – 266; его же. Чехословацкие вооруженные формирования в составе русской армии и проблема складывания независимой Чехословакии (1914 – февраль 1917 г.) // Великая война 1914 – 1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны. М., 2013. Вып. 2. С. 58 – 64.

проблеме осуществления контроля над расходованием благотворительными организациями выделенных им средств¹. В публикуемой статье автор вновь возвращается к заявленной проблематике, приходя к выводу, что обвинения, предъявленные латышскому благотворительному обществу «Родина», были по ряду пунктов серьезными, но часть из них была позже опровергнута, а часть была не более существенна, чем то, что вскрылось, например, в деле «Северопомощи». Не имея по разным причинам возможности подвергнуть подобным ревизиям все государственные и общественные организации помощи жертвам войны, власть пыталась хотя бы выборочно обследовать и показательно наказывать тех, кто попался под руку. А.Ю. Давыдов в своей ценной статье рассуждает об источниках и о результатах социально-экономической «модернизации» 1930-х гг. в СССР. Автор приходит к выводу о том, что «глубокого экономического смысла в скачкообразной “модернизации” 1930-х гг. не существовало». Он считает, что «НЭП, скорее всего, способен был эволюционировать в сторону наращивания и модификации промышленного потенциала; масштабы были бы меньшими, но и потери удалось бы значительно сократить». По мнению А.Ю. Давыдова, «индустриализационные процессы не могли не выиграть при соблюдении принципов достаточности и динамичности (именно их отстаивали многие видные экономисты и политики), отрицавших штурмовщину». Рассуждая о сплошной коллективизации, автор утверждает, что она «не имела хозяйственного обоснования, ибо полученные в ее ходе накопления не сыграли существенной роли в выполнении пятилетних планов».

Особый интерес представляют материалы раздела «Роковой старец и крах императорской России: Григорий Распутин в оценках современников и потомков». Это первый опыт научного осмысления распутинского фактора в истории императорской России накануне ее крушения. Общий концептуальный тон обсуждению задан статьей Д.А. Коцюбинского, известного специалиста по распутинской тематике, автора двух монографий (в соавторстве с А.П. Коцюбинским)², а также публикатора и научного комментатора (совместно с И.В. Лукояновым) «Дневника Распутина»³. Кроме этого, Д.А. Коцюбинский является автором научных работ, анализирующих развитие распутинской темы на страницах дореволюционной российской прессы⁴. В своей статье он предложил принципиально новый взгляд

¹ См., напр.: Златина М.А. «Северопомощь» и «Дело о лошадях». Темная сторона организации помощи жертвам войны // Петербургские военно-исторические чтения. Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.Б. Николаев. СПб., 2021. С. 103 – 110.

² Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Григорий Распутин тайный и явный. СПб.; М., 2003; их же. Распутин: Жизнь. Смерть. Тайна». СПб., 2014.

³ Дневник Распутина / Рукопись подготовлена к печати Д.А. Коцюбинским и И.В. Лукояновым. М., 2008.

⁴ Коцюбинский Д.А. Первые публикации о Г.Е. Распутине в российской прессе (конец 1909 – начало 1910 г.) // Российская история. 2018. № 4. С. 143 – 151; его же. Покуше-

как на социально-политическую природу становления и развития «распутинского скандала» на полосах газет и среди российской общественности в целом, так и на роль различных политических течений в эскалации антираспутинских настроений накануне 1917 г. Серьезный исследовательский интерес представляют работы К.С. Жукова «Голос с того света. Григорий Распутин в поэзии его современников», где Распутин был рассмотрен как литературный персонаж, а также М.А. Сюткиной «Проблема плагиата и фактологических подтасовок в российской прессе начала XX в.: газетная полемика в связи с сообщениями о покушении на Г.Е. Распутина (июнь – июль 1914 г.)», где на примере газетного освещения темы покушения на «старца» были показаны некоторые негативные стороны работы российских дореволюционных журналистов (скандалы, плагиат, ложь, фальсификации).

В разделе «Революция 1917 года в России: вопросы истории» публикуются работы как молодых ученых (М.В. Смотрина), так и уже получивших известность своими трудами исследователей (И.С. Ратьковский¹, А.Б. Николаев, А.М. Захаров², Д.А. Бажанов³ и П.Н. Гордеев⁴). Так, например, статья А.М. Захарова посвящена польским добровольцам в составе русской армии в 1917 году. Автор анализирует причины проблем и дисциплинарного разложения Белгородского запасного полка. Сюжеты, связанные с польскими военными служащими в России, также получали отражение в трудах А.М. Захарова и ранее⁵. Д.А. Бажанов вновь обратил внимание на процессы управления Балтийским флотом в 1917 г.⁶ Исследователь уделил

ние на Г.Е. Распутина 29 июня 1914 г. в откликах российской прессы (июнь – июль 1914 г.) // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 33 – 42.

¹ Ратьковский И.С. Хроника Красного террора ВЧК. Карающий меч революции. М., 2017.

² Захаров А.М. «Двоюродные братья»: Славянские добровольческие вооруженные формирования в России. СПб., 2019.

³ Бажанов Д.А. Щит Петрограда (служебные будни балтийских дредноутов в 1914 – 1917 гг.): Монография / Науч. ред. А.Б. Николаев. СПб., 2007.

⁴ Гордеев П.Н. Государственные театры России в 1917 году. 2-е изд., испр. и доп. / Науч. ред. А.Б. Николаев. СПб., 2020.

⁵ См., напр.: Захаров А.М. Генерал Я. (И.А.) Яцына – свидетель и мемуарист переломных моментов российской истории (1888 – 1918 гг.) // Герценовские чтения 2019. Актуальные проблемы русской истории / Отв. ред. А.Б. Николаев. СПб., 2020. С. 116 – 119; его же. Польская армия в военно-политических планах Временного правительства (март-май 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / Отв. ред. А.Б. Николаев. СПб., 2017. С. 53 – 60.

⁶ Бажанов Д.А. Судовые комитеты как институт власти весной – осенью 1917 г. (на материалах 1-й бригады линейных кораблей Балтийского флота) // Известия Уральского государственного университета. Серия 1 «Проблемы образования, науки и культуры». 2010. Т. 85. № 6-2. С. 300 – 308; его же. «Суд да дело»: судебная деятельность судовых комитетов на Балтике в марте – августе 1917 г. // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2012. № 5. С. 40 – 63; его же. Радикализация органов власти

внимание проблеме обострения политического противостояния между умеренным и радикальным крылом Центрального комитета Балтийского флота. В отличие от традиционной точки зрения, базировавшейся на идее борьбы в ЦКБФ как отражении запросов его избирателей, автор доказывает, что представители радикального крыла сами инспирировали такой запрос, что он был спровоцирован для поднятия актуальной для них проблемы созыва общепалтийского съезда и переизбрания действовавшего состава Центробалта. Продолжая изучать историю театров в 1917 г. (в том числе – после Октябрьской революции¹) П.Н. Гордеев опубликовал в сборнике статью, в которой справедливо замечает: «Подчинение театров Советскому правительству было в условиях рубежа 1917 – 1918 гг. неизбежным». Вместе с тем он пишет, что «современники не могли, разумеется, знать будущего, а к концу декабря 1917 г. ресурс и смысл сопротивления большевикам в театральном ведомстве еще не был исчерпан». Автор, рассуждая о причинах отказа Ф.Д. Батюшкова от борьбы, приходит к выводу о том, что одной из них «стал крах его надежд на Совет по управлению государственными театрами, ставший следствием, с одной стороны, демарша солистов оперы Мариинского театра, а с другой – недостаточной энергии и настойчивости самого главноуполномоченного».

В «Герценовских чтениях» печатаются материалы городского научно-методического семинара «Общества друзей русской истории» «Юбилей победы в Великой Отечественной войне: уроки и итоги» (18 февраля 2021 г.). Кроме этого, в сборнике присутствуют разделы «Учебно-методические труды» и «Критика».

Несомненно, что сборник «Герценовские чтения 2020. Актуальные проблемы русской истории» найдет своего заинтересованного читателя, будет способствовать росту интереса к занятиям наукой со стороны студенчества.

*А.Б. Николаев
12 апреля 2020 г.*

на кораблях Балтийского флота осенью 1917 года // Вестник Пермского университета. 2018. № 4. С. 68 – 76.

¹ Гордеев П.Н. И.М. Уралов: артист-большевик на императорской сцене // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 5. С. 94 – 98; его же. Казус Тираспольской: история о том, как уволенная актриса вернулась на сцену при помощи большевиков // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.Б. Николаев. СПб., 2017. С. 146 – 156.

РОКОВОЙ СТАРЕЦ И КРАХ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ: ГРИГОРИЙ РАСПУТИН В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОКОВ И ПОТОМКОВ

Сидорчук И.В.

«Доктор медицины» Низье Филипп: личность в контексте проблемы научных aberrаций как формы досуга и истории взаимоотношений ученого сообщества и власти в России¹

*Занятие тайными науками всегда было в почете у русских.
М. Палеолог «Царская Россия накануне революции»²*

В первом номере журнала «Будильник» за 1883 г. был опубликован фельетон «Удачный сеанс». В нем описывался спиритический сеанс, устроенный модным медиумом в доме одного генерала: «Петербург с наступлением зимы охватила опять мания спиритизма. Не только наше “haute société” (которое всегда было склонно заниматься чудесами), но и средний круг, и бедное чиновничество, и сытое купечество и даже почтенное духовенство, не исключая и смиренномудрых иноков, усердно стремятся вступить в сношения с духами посредством столов, стульев, натираний, гипнотизирований, магнетизирований и других всевозможных манипуляций. Перечислить все способы, коими петербуржцы напрашиваются на визиты обожателей воздушного пространства и стремятся проникнуть с их помощью в тайны веков, времен и народов – нет никакой возможности»³. Сеанс прошел великолепно – к восторгу собравшихся по комнате летала мебель.

Спиритизм как модная и занимательная новинка захватил русскую публику в 1870-е гг. и сохранял свою популярность еще не одно десятилетие. Его поклонниками были отнюдь не только экзальтированные барышни и впечатлительные юноши. «Будильник» не был далек от истины, называя среди посетителей сеансов генералов и даже священников. Так, уже в 1916 г. московская охранка, ведшая наблюдение за оккультистом В.Д. Филимовичем (кличка «Маг»), сообщала, что, помимо офицеров, студентов и женщин, к нему приезжали «генерал в гражданском платье» и священник⁴. Пережило увлечение и революцию. Например, в 1920-е гг. в

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук, проект МК-1636.2020.6.

² Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 285.

³ Прокоп. Удачный сеанс // Будильник. 1883. № 1. С. 3 – 4.

⁴ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 44. Д. 6526. ЛЛ. 1 – 14

сеансах вместе со своими коллегами по эмиграции активное участие принимал В.В. Шульгин. Протоколы записей этих сеансов рассказывают о вызове духа (предположительно Г.Е. Распутина) с помощью гадания на блюдечке, который предсказал, что царем станет великий князь Кирилл Владимирович, «Россия возстанет скоро, свернет жидов», а также пожелал примирения монархистов ради общего освободительного похода против большевиков¹.

Образованная часть общества, в основном, к подобным увлечениям относилась скептически². Косвенно это подтверждают и многочисленные высмеивания как мошенников-спиритов, так и их поклонников. Автором вышеприведенной сатирической заметки в «Будильнике», скрывавшимся под псевдонимом Прокоп, являлся Василий Алексеевич Прокофьев, будущий деятель Союза правой русской печати, с 1915 по 1917 г. редактор «Вестника Русского Собрания», сыгравший активную роль в русском монархическом движении. В связи с этим кажется весьма ироничным, что впоследствии именно царская семья и ее окружение стали идеальными объектами для подобных шуток.

Увлечение спиритизмом, гаданием, оккультизмом и прочими подобными практиками можно рассматривать, в том числе, и как форму досуга, как способ траты свободного времени. Один из наиболее известных исследователей досуга, Р. Стеббинс, предлагал разделять его на «серьезный» («serious») и «обычный» / «несерьезный» («casual») ³. Серьезный он понимал как «устойчивые занятия любителя (“amateur”, “hobbyist”) или участника общественной (само)деятельности – волонтера (“volunteer”) – которые увлекают человека многочисленными возможностями и свойственной им комплексностью»⁴. Такой досуг требует системности, глубокого погружения, является способом обретения личностной самореализации, повышения идентичности, самовыражением⁵. Серьезный досуг помогает приблизиться к «потокowому состоянию» (по определению

¹ Там же. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 50. ЛЛ. 1 – 9.

² Китсинг И.В. Спиритизм и его критика в России во второй половине 19 века // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 8. № 11. С. 134.

³ Стеббинс Р.А. Свободное время: к оптимальному стилю досуга (взгляд из Канады) // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 64 – 72. В данной статье определение «casual leisure» переводится как «обычный досуг». Нам представляется более удачными термин «несерьезный», так как сам Р. Стеббинс предлагал «unserious» в качестве синонима «casual» (Stebbins R.A. Serious Leisure: A Conceptual Statement // The Pacific Sociological Review, Vol. 25. No. 2 (Apr., 1982). P. 253). В отечественной историографии также встречается такой перевод, как «случайный» (Клюско Е.М. Альтернативные подходы к определению понятия «культура досуга» (по материалам зарубежных исследований) // Вестник МГУКИ. 2010. № 5 (37). С. 114).

⁴ Стеббинс Р.А. Свободное время: к оптимальному стилю досуга (взгляд из Канады) // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 66.

⁵ Stebbins R.A. Serious Leisure: A Conceptual Statement // The Pacific Sociological Review. 1982. Vol. 25. No. 2. P. 253.

М. Чиксентмихайи), характеризующемуся единением с деятельностью, максимальной включенностью и удовлетворенностью от получаемого результата. Применительно к девиантным досуговым практикам к «серьезному» относятся аберрации в области религии (секты, культы), политики (радикальные левые и правые течения) и науки (гадание, колдовство, экстрасенсорика, восточные религиозные течения, НЛЮ и пр.)¹. Такой досуг меняет личность, взгляд на мир, систему ценностей. Другой видный исследователь досуга, К. Рожек, применительно к подобным формам досуга использовал определение «инвазивный» («invasive»). Это досуг, который становится зоной для отступления от повседневной жизни. В нем индивид практикует способы захоронения элементов своего «я». Представляется, что именно об этом можно говорить применительно к увлечению императорской четы, учитывая степень их вовлеченности и те последствия, которые могли наступать не только для их семьи, но и политической жизни страны².

Поддержка околонучных идей властной верхушкой – весьма болезненный для отечественной науки вопрос. Одним из следствий высокой степени зависимости науки от власти в России исторически являлось активное вмешательство государства в научно-техническую и образовательную политику. При рассмотрении данной темы специалисты чаще всего обращаются к советскому наследию (лысенкоизм, марризм, борьба за национальные приоритеты в науке и пр.)³. Дореволюционное ученое общество в постсоветской историографии традиционно описывается как значительно более свободное и независимое, в доказательство чего приво-

¹ Stebbins R.A. Casual leisure: a conceptual statement // *Leisure Studies*. 1997. Vol. 16. P. 22.

² См., напр.: Коцюбинский Д.А., Таран С.Ю. Российская пресса об обсуждении распутинской темы в Государственной думе в начале 1912 г.: история одного медийно-политического скандала // *Таврический чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сборник научных статей. В 2-х частях / Под редакцией А.Б. Николаева. СПб., 2018. Ч. 1. С. 183 – 191.*

³ Ерегина Н.Т. Сталинские идеологические кампании и высшая медицинская школа (1946 – 1953 гг.) // *Новый исторический вестник*. 2009. № 4 (22). С. 47 – 57; Pollock E. *Stalin and Soviet science wars*. Princeton, 2006; Колчинский Э.И., Ермолаев А.И. Разгромный август 1948 г.: как власть боролась с биологией // *Политическая концептология*. 2018. № 3. С. 89 – 112; Алпатов В.М. Марр, марризм и сталинизм // *Философские исследования*. 1993. № 4. С. 271 – 288; Gretchko V. Между утопией и ‘Realpolitik’: Марр, Сталин и вопрос о всемирном языке // *Russian Linguistics*. 2010. Vol. 34. № 2. P. 159 – 172; L’Hermitte R. *Marr, marrisme, marristes; science et perversion idéologique: une page de l’histoire de la linguistique soviétique*. Institut d’études slaves. Paris, 1987; Виргинский В.С., Клат С.А., Комшилова Т.В., Лист Г.Н. Как творятся мифы в истории техники. (К истории вопроса о «велосипеде Артамонова») // *Вопросы истории естествознания и техники*. 1989. №. 1. С. 150 – 157; Sidorchuk I.V. «Combating bourgeois pseudoscience»: a campaign for national priorities in science and technology and Soviet higher education institutions // *Perspektivy nauki i obrazovania – Perspectives of Science and Education*. 2020. № 1 (43). P. 354 – 365.

дится его борьба за автономию, политическая деятельность ученых, их открытая критика власти и даже поддержка студенческого движения¹. О его способностях успешно защищать академическую науку от проникновения различных околонуучных или псевдонаучных идей также упоминается, хотя и значительно реже. Например, в историографии получила освещение деятельность комиссии Д.И. Менделеева для рассмотрения медиумических явлений².

В этой связи представляется показательным случай с Низье Филиппом («месье Филипп», «доктор Филипп»), спиритом и медиумом, пользовавшимся расположением императорской четы в 1901 – 1905 гг. и регулярно удостоивающегося в историографии сравнения с Г.Е. Распутиным³. Информация о Низье Филиппе встречается в основных эго-документах периода (дневники А.А. Половцева, М. Палеолога, воспоминания С.Ю. Витте, Е.А. Нарышкиной и др.)⁴. Их авторы сходятся во мнении, что он был шарлатаном, сумевшим через великих княгинь Милицу и Анастасию Черногогорских получить расположение при дворе. Как и в случае со «святым старцем» Распутиным, отмечается преданная вера Филиппу со стороны императорской четы и, прежде всего, Александры Федоровны, считавшей его ангелом-хранителем своего супруга⁵. Сведения о темных делишках и неблаговидной репутации Филиппа Николаем II категорично отвергались. Согласно А.А. Половцеву, получив донесение с подобной информацией, он «бросил бумаги на пол и стал топтать ногами»⁶.

---

¹ Особенно это было характерно для профессуры столичного университета. См., напр.: Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017; Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Санкт-Петербургский университет в 1905 г. // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 3 (227). С. 98 – 107.

² Китсинг И.В. Деятельность комиссии для рассмотрения медиумических явлений Д.И. Менделеева в контексте борьбы научного и ненаучного мировоззрений // Успехи современной науки. 2016. Т. 7. № 10. С. 120 – 126.

³ См., напр.: Волошун П.В. «Не открывай помышлений своих всем» – к вопросу философском образовании императрицы Александры Федоровны // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 52; Востриков С.В. Деградация и «порча» правящего слоя России как основная причина обрушения империи в 1917 г. // 100-летие революции в России (1917 – 1920 гг.): социокультурные аспекты. Смоленск, 2017. С. 24; Warth R.D. Before Rasputin: Piety and the Occult at the Court of Nicholas II // The Historian. 1985. Vol. 47. No. 3. P. 323 – 337.

⁴ Дневник А.А. Половцева // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 153; Палеолог М.Ж. Дневник посла. М., 2003. С. 106 – 110; Витте С.Ю. Воспоминания. Полное издание в одном томе. М., 2010. С. 550 – 552; Нарышкина Е.А. Мои воспоминания. Под властью трех царей. М., 2014. С. 348, 350, 354 – 355.

⁵ Палеолог М.Ж. Дневник посла. С. 106; Нарышкина Е.А. Указ. соч. С. 350.

⁶ Дневник А.А. Половцева. С. 153.

Среди прочего, в этих источниках можно встретить сообщение о присвоении французцу степени доктора медицины, которое переключалось в работы отечественных и зарубежных историков (П.В. Волошун, А.В. Белова, R.D. Warth, J.-P. Chantin, etc.)¹. Согласно этому сообщению, Филипп стремился получить звание врача, но Французская медицинская академия, несмотря на обращение Николая II к президенту Франции Э. Лубе, ему в этом отказала². Тогда, как утверждает С.Ю. Витте, «вопреки всем законам при военном министре Куропаткине ему дали доктора медицины от Петербургской военной медицинской академии и чин действительного статского советника. Все это без всяких оглашений»³. А.А. Половцев и М. Палеолог также сообщают о повелении Куропаткину выдать диплом доктора медицины, которое было исполнено⁴.

Найти фактических подтверждений официального присвоения степени доктора медицины нам не удалось. Ни в Протоколах заседаний Конференции, ни в «Известиях» Академии, где публиковались приказы и распоряжения военного министра, а также решения Конференции Академии, об этом не упоминается. Таким образом, если присвоение степени и было, то произошло тайно, как и сообщал С.Ю. Витте. Оставляя на будущее подтверждение или опровержение описываемого современниками случая, хотелось бы обратить внимание на путь, которым власть (в действительности или в представлении современников) стремилась добиться осуществления своей воли – легитимации авантюриста, чьи взгляды не позволяли ему быть принятым профессиональным ученым сообществом. Решение не продавливать волю царя, а обойти одобрение ученой корпорации, готовой отстаивать свои интересы и ценности, объяснялось боязнью власти вступить с ней в конфликт.

Советская власть принципиально изменила эту политику: важной стала безоговорочная лояльность ученых, принятие ими любых установок, под которые перестраивалась та или иная область знаний⁵. Есть основания го-

¹ Белова А.В., Волошун П.В. Императрица Александра Федоровна в контексте семейной жизни: супруга и мать // История повседневности. 2016. № 1. С. 18, 21 – 22; Warth R.D. Ibid. P. 329; Chantin J.-P. Nizier Philippe, guérisseur lyonnais // *Politica hermetica, L'âge d'homme*. 2004. No. 18. P. 65 – 73.

² Нарышкина Е.А. Указ. соч. С. 348.

³ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 551. Императорская Военно-медицинская академия находилась в ведении Военного министерства, возглавляемого на тот момент А.Н. Куропаткиным.

⁴ Дневник А.А. Половцева. С. 153; Палеолог М.Ж. Дневник посла. С. 106.

⁵ См., напр.: Россиянов К.О. Сталин как редактор Лысенко. К предыстории августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 56 – 69; Кривоносов Ю.И. Сражение на философском фронте (философская дискуссия 1947 года – пролог идеологического погрома науки) // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 3. С. 63 – 86; Сидорчук И.В. Механизмы адаптации российской университетской гуманитарной науки в условиях социально-политического развития 1920-х гг. // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехниче-

ворить о рудиментах этого явления и в современной России, когда «серьезный» досуг представителей власти нарушает определенную границу, преодоление которой вынуждает вовлекаться в ситуацию профессиональное ученое сообщество¹. На наш взгляд, это свидетельствует о произошедшем снижении статуса ученого и степени его независимости, что позволяет игнорировать его мнение, добиваться от него нужных решений, и сохраняет опасность дискредитации научного знания и достижений национальной науки в глазах общества.

Коцюбинский Д.А.
Фактор Григория Распутина и кризис легитимности
самодержавной власти в России в межреволюционные годы
(1909 – 1916)

В предреволюционный период в российском общественном мнении сложился комплекс негативных представлений о царском фаворите – «старце» Григории Распутине². На их основе оформился оппозиционный мобилизующий социальный миф, в значительной мере опиравшийся не на реальные факты, а на априорные общественно-политические установки и экспектации³. «В ситуации Распутина, – отмечает А.М. Эткинд, – особенно ясно виден тезис, который защищал Мишель Фуко применительно к совсем иным проблемам и эпохам: субъект формируется дискурсом, а не психологией; своим местом в конфигурации культурных сил, а не личными вкусами, привычками и желаниями. По крайней мере, такой субъект, который входит в историю; и в той мере, в которой он туда входит»⁴.

На основе оппозиционно-мобилизующего мифа о Распутине сформировалась широкая антираспутинская фронда, объединявшая общественно-политические силы в диапазоне от крайне правых монархистов – до левых либералов, видевшая в «роковом старце» одновременно символ и первопричину всех существующих политических проблем и ставившая целью его отстранение от влияния на императора. Социальный миф о Распутине

ского университета. Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 2 (148). С. 105 – 109.

¹ Александров Е.Б. Астральные битвы за счет казны // Природа. 2015. № 11 (1203). С. 70 – 77; Ливанов К.Д. Наука и шарлатаны. Шарлатанство ради денег // Природа. 2013. № 1 (1169). С. 71 – 73; Месхи Б.Ч., Несмеянов Е.Е. Теология или лженаука: что на самом деле разрушает отечественное образование // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4. С. 84 – 85.

² Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Распутин: Жизнь. Смерть. Тайна. М., 2014. С. 326.

³ Коцюбинский Д.А. Мифы о Распутине. Почему «старец» был нужен императорской семье // Ваш тайный советник. 2016. № 1 (19). С. 70 – 75.

⁴ Эткинд А. Хлыст. Секты, литературы и революция. М., 1998. С. 586.

отличался спекулятивной систематизированностью и носил выраженные психопатологические формы, включая в себя черты массовой паранойи¹. Значительная часть образованного класса, начиная с разночинной интеллигенции и кончая великими князьями, была иррационально, без наличия веских доказательств, убеждена в том, что Распутин – «изувер», «хлыст», «половой психопат», «немецкий шпион», «глава темных сил» и т.д. Ситуация «коллективного помешательства» интеллектуальной элиты общества, его «мозга», свидетельствовала о близком коллапсе социально-политической системы в целом и одновременно способствовала ему².

Следует отметить, что иррациональность гротескно негативных оценок «старца», а также действий, направленных на борьбу с «распутинской угрозой», подспудно признавали сами герои тех событий, при этом до конца не отдавая себе в этом отчета. Так, экс-председатель IV Думы М.В. Родзянко, лично вдохновлявший убийц Распутина на «подвиг», в дальнейшем, находясь в эмиграции, оценил политические последствия данного убийства, произошедшего в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года, следующим образом: «Вне всякого сомнения, что главные деятели этого убийства руководились патриотическими целями. Видя, что легальная борьба с опасным временщиком не достигает цели, они решили, что их священный долг избавить царскую семью и Россию от окутавшего их гипноза. Но получился обратный результат. Страна увидела, что бороться во имя интересов России можно только террористическими актами, так как законные приемы не приводят к желаемым результатам. <...> Результатом шума, поднятого возле этого дела, было то, что террористический акт стал всеми одобряться, и получил внутреннее убеждение, что раз в нем участвовали близкие к царской чете лица и представители высших слоев общества, — значит, положение сделалось безвыходным»³. В данной отрывке запечатлелось воспоминание о своего рода коллективном помутнении рассудка, вызвавшем действия, которые привели к результатам, прямо противоположным задуманным: вместо того, чтобы «спасти Россию», убийцы Распутина и те, кто их инспирировал, лишь приблизили революционный взрыв и крушение монархии.

Для того, чтобы установить причину фатального «помутнения сознания» наиболее образованных социальных групп, притом независимо от их политических пристрастий, целесообразно воспользоваться методом аналитической деконструкции и постараться взглянуть на то, что в реальности скрывалось за обвинениями, которые предъявляли «старцу» представители российской общественности.

---

¹ Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Психическое здоровье общества. Ч. 1 // Независимый психиатрический журнал. 2018. № 4. С. 15.

² Там же. 14 – 15.

³ Родзянко М.В. Крушение империи. Л., 1929. С. 199.

Отправной точкой предлагаемого рассуждения является констатация того факта, что критическое отношение общественности к верховной власти в рассматриваемый период чем дальше, тем больше концентрировалось не на личности самого императора, а на фигуре царского фаворита Григория Распутина.

Как представляется, в основе данного – парадоксального, на первый взгляд – состояния политических умов лежало то обстоятельство, что Николай II в последнее десятилетие своего правления в значительной мере как имплицитно, так и эксплицитно воспринимался общественностью не как легитимный правитель. То есть не как полновластный политический субъект, а как объект воздействия на себя и свою политическую волю со стороны внешних сил. Центральной фигурой в этой связи, по убеждению значительной части общественности, являлся Григорий Распутин, оказывавший – как через императрицу Александру Федоровну, так и непосредственно – решающее воздействие на императора. К концу предреволюционного десятилетия это породило у многих, включая представителей правительственных и околоправительственных кругов, устойчивое представление о том, что Николай II являлся марионеткой в руках своей супруги и «старца». «Царица <...> себя психически испортила еще до Распутина и еще раньше стала впадать в какой-то гистерический лжемистицизм», а император, который к этому времени уже был «беспредельно поработен своей женой», «сначала только издали терпевший присутствие Распутина, потом принужден был войти с ним в сношения и до некоторой степени стал подпадать его влиянию», — так позднее описывал свои представления о «раскладе сил» в царской семье крайний монархист и в рассматриваемое время – редактор газеты «Московские ведомости» Л.А. Тихомиров¹. По оценке главы императорского МИД в 1910 – 1916 гг. С.Д. Сазонова, в период войны «центр правительственной власти, за продолжительным отсутствием Государя, перешел в руки несведущих и недостойных людей, сгруппировавшихся вокруг Императрицы и ее вдохновителей, во главе которых находился приобретший позорную известность Распутин»².

Не позже сентября 1915 г. в обществе уже активно циркулировали слухи о якобы имевшем место совместном регентстве императрицы и Распутина³. «Император царствует, но правит императрица, инспирируемая Распутиным», – записал в своем дневнике в июле 1916 г., воспроизводя пересуды, которыми была наполнена российская столица, французский по-

---

¹ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания // E-libra: электронная библиотека. [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <https://e-libra.ru/read/465694-teni-proshlogo-vozpominaniya.html>

² Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 291.

³ Колоницкий Б.И. Слухи об императрице Александре Федоровне и массовая культура (1914 – 1917) // Вестник истории, литературы, искусства. Отд-ние ист.-филол. наук РАН. М., 2005. С. 362 – 378.

сол М. Палеолог¹. К этому времени образ царя в глазах огромной части образованного класса оказался полностью скомпрометирован и «отделен» от позитивного образа России как страны. Как отмечает в этой связи историк В.Б. Аксенов, даже «некоторые монархисты презрительно отзывались об императоре. Например, юрист, член “Союза русского народа” Борис Никольский в своем дневнике именовал Николая II не иначе как “полковником”, считая его политической обузой». В либеральных же и социалистических кругах уже давно «доминировал патриотизм “без царя”»².

Описанный выше и связанный на завершающих этапах с именем «старца» Г.Е. Распутина процесс усугубления дефицита самодержавной легитимности начал формироваться практически с первых дней вступления Николая II на престол. А точнее, с момента первого выступления самодержца перед депутациями земств, городов и дворянских собраний 17 января 1895 г, где он назвал конституционные мечтания, содержащиеся в присланных ему земцами приветственных адресах, «бессмысленными», в итоге сразу же оказавшись объектом острой критики со стороны широких слоев общественности и, в частности, став героем многочисленных сатирических стихотворений³. Как отмечал в этой связи в начале 1910-х гг. левый кадет В.П. Обнинский, это выступление Николая II «послужило началом не только всеобщего охлаждения к Николаю, но и заложило фундамент будущего освободительного движения, сплотив земских деятелей и внушив им более решительный образ действий. <...> Выступление 17 (29) января 1895 года можно считать первым шагом Николая по наклонной плоскости», по которой он продолжал «катиться и доселе, все ниже спускаясь во мнении и своих подданных, и всего цивилизованного мира»⁴.

Качественный скачок в развитии процесса делегитимации последнего российского монарха произошел в период Первой русской революции, когда Николай II, под непосредственным давлением революционных событий, подписал Манифест 17 октября 1905 года и тем самым превратился в глазах общественности в «ненастоящего» самодержца. То есть в монарха, не способного «самого себя держать» и вынужденного опираться на принудительный консенсус с оппозиционной общественностью и Государственной думой, олицетворявшей собой принципиально иной тип леги-

¹ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 117.

² Аксенов В.Б. «Когда Николая II ругали “по матери”». Почему накануне революции в России упал авторитет верховной власти // lenta.ru. 05.06.2016. [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2016/06/05/tsar_in_head/

³ Андреев Д.А. Как мечтания из «безумных» стали «бессмысленными»: к истории речи императора Николая II 17 января 1895 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. Ист. 2011. № 2 (20). С. 37.

⁴ Б/а [Обнинский В.П.] Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II-го. Berlin, 1912. С. 48, 51.

тимности – выборной и, в силу этого, самим фактом своего существования ставившей под сомнение самодержавную легитимность императорской власти.

Несмотря на то, что формально государь продолжал именоваться «самодержавным» и по факту мог проводить в жизнь важные решения, противоречившие Основным государственным законам и нарушавшие полномочия вновь созданных представительных учреждений (в частности, 3 июня 1907 г. император самовластно утвердил новое избирательное законодательство), реальная легитимность Николая II была существенным образом поколеблена.

Даже монархисты, искренне считавшие себя верноподданными самодержавного государя, затруднялись дать возникшему по итогам Первой русской революции политическому строю четкое государственно-правовое определение: «Впрочем, разве уже не одиннадцать с лишним лет мы “без названия”? – рассуждал, в частности, вскоре после крушения монархии в феврале 1917 года лидер русских националистов, член Госдумы В.В. Шульгин (в период революции 1905-07 гг. – крайний монархист), – “Empire constitutionnelle sous un Tsar autocrate”. “Конституционная Империя под Самодержавным Царем”. Так назвал Россию международный альманах Гота с 1906 г. “Scheinkonstitutionalismus”, – говорили немцы... “Никакой закон не может воспринять силы без одобрения Государственной думы”, – говорили Основные Законы. “Самодержавие мое остается при мне, как и встарь”, – говорил создавший этот строй государь»¹.

Именно крайние монархисты стали де-факто той политической силой, которая окончательно подтвердила факт исчезновения самодержавия в его прежнем неограниченном формате. (Об активной роли крайне правых в фактической делегитимации последнего российского самодержца писали, в частности, С.П. Подболотов² и М.Н. Лукьянов³).

Самодержавная ущербность Николая II в полной мере проявилась не тогда, когда оппозиционеры и революционеры открыто выступили в 1905 г. с лозунгом «Долой самодержавие!» и даже не в момент издания Манифеста 17 октября, провозгласившего создание в России законодательной Госдумы, а лишь на следующий день, когда по стране прокатились антиреволюционные черносотенные погромы, участники которых стихийно выступили на защиту поколебленного самодержавия. Ультрамонархисты, до этого момента убежденные в способности государя сохранять самодержавную власть без опоры на какие-либо социально-политические силы и структуры, оказались перед фактом того, что фор-

¹ Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 546.

² Podbolotov S. Monarchists against their Monarch: The Rightist Criticism of Tsar Nicholas II // Russian History. 2004. Vol. 31. № 1 – 2. P. 105 – 120.

³ Лукьянов М.Н. Самодержавие или самодержец: Николай II глазами российских правых // Власть. 2010. № 7. С. 159 – 162.

мально неограниченный монарх фактически не смог «удержать» всю полноту власти и вынужден был «поделиться» ею с теми, кто на нее открыто покушался.

Стремясь оказать царю экстренную и открытую политическую поддержку, крайне правые фактически публично признавали тот факт, что прежней самодержавной власти в России больше нет. Само название, которое ультра-монархисты избрали для своих союзов – «черная сотня» – символически отсылало ко временам Смуты начала XVII в., когда самодержавная власть в России временно исчезла и когда, согласно популярному историческому нарративу, ее добровольно воссоздали «снизу» простые русские люди – обитатели «черных слобод» (в XVI – XVII вв. рядовая торгово-промышленная масса столицы и других российских городов состояла из черных сотен и слобод, «которые можно приравнять к промышленным цехам»¹) во главе с нижегородским купцом Козьмой Мининым. В обращениях, адресованных императору, лидеры черносотенцев указывали на это прямо: «Государь! В години тяжких испытаний на Руси не раз ее спасали простые русские люди, как Иван Сусанин, так и Косьма Минин Сухоруков. Поэтому, Государь, повели простому русскому народу прекратить смуту и крамолу, и он ее прекратит даже без кровопролития»².

Открыто приветствуя политическую активность черносотенцев, Николай II по сути подтверждал тот факт, что не является самодержцем в прежнем понимании этого слова и что отныне нуждается в публичной политической поддержке «снизу». На приеме делегации Союза русского народа (СРН) 23 декабря 1905 г. царь «принял из рук А.И. Дубровина папку, заключающую <...> адрес и, поблагодарив председателя Союза за выраженные мысли и чувства, поручил передать “спасибо” всем подписавшим адрес», после чего «А.И. Дубровин имел счастье представить Государю знаки Союза русского народа, в футлярах, прося принять эти знаки для себя и для Наследника Цесаревича <...>. Его Величество, рассмотрев знак, изволил благодарить»³. Позднее, в ходе аудиенции, данной председателю Одесского отдела СРН гр. А.И. Коновницину, «Государь Император высказался, что единственная надежда у него на Союз, в нем опора государства»⁴. В данном случае слова и жесты императора не стоило расценивать как обычные фигуры придворно-дипломатической вежливости. Речь шла не о привычном поощрении всех верноподданных в их стремлении служить государю «не за страх, а за совесть», но о поддержке царем одной из

¹ Ключевский В.О. Сочинения в десяти томах. М., 1988. Т. 2. С. 357.

² Прием Государем Императором депутации от Союза Русского Народа / Правые партии. 1905 – 1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. М., 1998. Т. 1. 1905 – 1910 гг. С. 97 – 98.

³ Б/а. Прием Государем Императором депутации от Союза Русского // Русское знамя. 1906. 9 января.

⁴ Степанов С.А. Черная сотня. 2-е издание, доп. и перераб., М., 2005. С. 203.

общественно-политических сил, противостоявшей другим силам. Николай II фактически заявлял о своей партийности и зависимости от поддержки со стороны конкретного идейно-политического направления в своем противостоянии тем направлениям, которые репрезентировал возникший в ходе революции 1905 г. институт законодательной Государственной думы.

Фактически после издания Манифеста 17 октября в России не осталось политических течений, не только на словах, но и на деле признававших Николая II полноценным, т.е. легитимным самодержцем, способным править бюрократически самовластно, без добровольной либо вынужденной опоры на те или иные общественно-политические структуры и институции.

С этого момента по сути все политические силы превратились в группировки лоббистов, стремившихся наполнить «самодержавную пустоту», в которую по факту превратился император, тем или иным «правильным содержанием».

Крайне правые (черносотенцы) ставили целью активно воздействовать на Николая II, чтобы заставить его решиться на формальную и фактическую реставрацию самодержавного полновластия.

Правоцентристы сделали ставку на авторитет премьер-министра П.А. Столыпина и его способность убеждать Николая II в необходимости проведения политики умеренно-либеральных реформ, казавшейся им единственно спасительной для Российской империи.

Либеральные радикалы – не признававшие «третьеиюньское» избирательное законодательство – опираясь на фактически бесцензурную думскую кафедру и обширную сеть периодических изданий, перманентно критиковали императорское правительство. Таким образом они рассчитывали вызвать в обществе протестную активность и повторить успех оппозиционного натиска 1905 г., вынудив царя, под давлением пробудившихся масс, октроировать полноценную конституцию и издать более широкий избирательный закон.

Сходные расчеты – правда, значительно более радикальные – имелись и у социалистов, с той поправкой, что в период «думской монархии» их влияние на российскую общественно-политическую жизнь не было столь значительным, как в революционный период.

Таким образом, в межреволюционное десятилетие (1907 – 1917) в России возникла ситуация, когда каждая из политических сил стремилась найти путь и способ непосредственного, притом весьма жесткого, «императивного» давления на Николая II «снизу» с целью реализации «через него» своей политической программы.

Достижение институциональной стабильности в ситуации фактического самодержавного вакуума и начавшейся «политической войны всех против всех» за влияние на самодержца и наполнение этого вакуума «правильным» контентом оказывалось возможным лишь при условии налажи-

вания хотя бы частичного и весьма условного диалога «власти и общества». А именно, при сохранении того думско-правительственного консенсуса, который оформился к концу 1907 г. и благодаря которому страна смогла выгрести из революционного омуты.

Ключевой в этой связи оказывалась фигура П.А. Столыпина, занявшего в 1906 г. сперва пост главы МВД, а затем и Председателя Совета министров. Столыпин смог преодолеть тупик в отношениях между императорским правительством и Государственной думой, первые два состава которой были избраны на основе сравнительно широкого избирательного закона от 11 декабря 1905 г. и оказались не готовыми к конструктивному взаимодействию с исполнительной властью. Политический консенсус между Думой и правительством был достигнут лишь после того, как Столыпин сумел, благодаря новому, узко-цензовому, избирательному закону от 3 июня 1907 г. (принятому в нарушение Основных государственных законов 1906 г.), создать «работоспособную», то есть лояльную правительству узко-цензовую Государственную думу, заключив с ее правоцентристским большинством своего рода негласный политический альянс, основанный не умеренно-реформаторской программе совместных действий¹.

Начав проводить жестко антиреволюционный и в то же время выражено реформаторский курс, Столыпин проявил себя как яркий харизматический лидер. Один из его ближайших помощников, С.Е. Крыжановский вспоминал, что Столыпин «первый сумел найти опору не только в силе власти, но и в мнении страны, увидевшей в нем устроителя жизни и защитника от смуты. В лице его впервые предстал пред обществом, – вместо привычного типа министра-бюрократа, плывущего по течению в погоне за собственным благополучием, какими их рисовала молва, – новый героический образ вождя, двигающего жизнь и увлекающего за собой»².

Заручившись поддержкой со стороны правоцентристского думского большинства и продемонстрировав радикальным оппонентам «слева» и «справа» свою способность к проведению как реформ, так и репрессий, Столыпин смог в определенной мере придать себе в качестве главы правительства образ «настоящей» (легитимной) власти и тем самым сумел частично компенсировать дефицит самодержавной легитимности императора³. Однако полностью политически заменить собой самодержца Столыпин не мог, поскольку де-юре верховным правителем продолжал оставаться

---

¹ Горинов М.М., Горский А.А., Данилов А.А. и др. / Под ред. С.В. Леонова. История России: Учебное пособие для вузов, а также колледжей, лицеев, гимназий и школ: в 2 т. М., 1997. Т. 2. С. 41 – 48.

² Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / Подгот. текста, вступ. ст., коммент. А.В. Лихоманов. СПб., 2009. С. 170.

³ Коцюбинский Д.А. Почему Столыпин не сумел спасти империю от краха // Дилетант. 2018. № 30. Июнь. С. 18 – 24.

ся Николай II. В итоге возникла политическая модель, потенциально чреватая нарастанием новых системных противоречий. Как отмечает в этой связи М.В. Шиловский, «впервые в отечественной истории масштабная реформа ассоциировалась не с монархом, а с его министром. Помимо всего прочего, данное обстоятельство свидетельствовало о падении престижа самодержавия»¹. Таким образом, обеспечив временную стабилизацию системы, данная политическая конфигурация несла в себе зерна будущих конфликтов, поскольку между Столыпиным как харизматическим правителем и Николаем II как номинально самодержавным правителем – безотносительно их личных расчетов и намерений – изначально существовали объективные институционально-функциональные противоречия.

Указанные противоречия стали обнаруживаться довольно быстро, в итоге чего реформаторский курс премьера, начиная с 1908 – 1909 гг., начал все более заметно пробуксовывать². В свою очередь, это незамедлительно повлияло на внутривнутриполитическую ситуацию в целом и поставило под сомнение политические достижения начального периода столыпинского правления. Зыбкий политический консенсус между Думой с одной стороны и царским правительством с другой, а также основанная на нем стабильность стали сменяться ростом общественного раздражения и политического напряжения, переходивших в повсеместно нарастающую общественно-политическую фрустрацию (которая в будущем достигнет вышеупомянутой фазы массовой паранойи).

В сложившейся кризисной ситуации роль ключевой фигуры и мощного катализатора политической нестабильности стал играть «фактор Григория Распутина», что вытекало из двух связанных между собой обстоятельств.

С одной стороны, по мере ослабления политического авторитета Столыпина вновь стал обостряться дефицит легитимности верховной власти, что, в свою очередь, немедленно активизировало лоббистские устремления всех политических сил, нацеленных на самодержца.

С другой стороны, с конца 1909 – первой половины 1910 гг.³ оказалось, что на пути как закулисных, так и открытых политических влияний на царя возникла фигура царского фаворита, голос которого значил для Николая II и его супруги больше, чем голос любой политической силы.

---

¹ Шиловский М.В. А была ли столыпинская реформа в Сибири? // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 1 (17). С. 25.

² Горинов М.М., Горский А.А., Данилов А.А. и др. История России. Т. 2. С. 21 – 24.

³ Коцюбинский Д.А. Первые публикации о Г.Е. Распутине в российской прессе (конец 1909 – начало 1910 г.) // Российская история. 2018. № 4 С. 143 – 151; Коцюбинский Д.А., Семькина Е.В. Распутинская сенсация на страницах российской прессы. Становление аналитического, оппозиционного и «желтого» направлений освещения темы. Май – июнь 1910 г. // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 4. С. 444 – 466.

Совокупность этих двух факторов и стала истинной причиной нарастания в обществе оппозиционного раздражения, в конце концов, приведшего к формированию беспрецедентно широкой антираспутинской фронды.

Центральную роль в атаке общественности на Распутина играла пресса, в значительной мере черпавшая негативную информацию о «старце» из слухов и непроверенных источников, которая затем расходилась по множеству изданий, вызывая эффект нарастающего скандального резонанса¹. Думается, в том числе по причине перманентной заостренности газет на распутинском сюжете один из правительственных чиновников в те годы назвал русскую печать «матерью революции»².

По словам экс-премьер-министра России В.Н. Коковцова, еще в 1910 – 1912 гг. «в газетах все чаще и чаще стало <...> упоминаться имя Распутина, сопровождаемое всякими намеками на его близость ко Двору, на его влияние при тех или иных начинаниях, в особенности по духовному ведомству», причем большой резонанс получили заметки о жизни Распутина в Тобольской губернии «с довольно прозрачными намеками на разных петербургских дам, сопровождавших его в село Покровское и посещавших его там»; «С газетных столбцов эти сведения постепенно перешли в Государственную думу, где сначала пошли пересуды в “кулуарах”, в свою очередь, питавшие этими слухами и намеками думских хроникеров, и затем перешли и на думскую трибуну <...>»; «Все попытки [главы МВД, – Д.К.] Макарова уговорить редакторов <...> не приводили ни к чему и вызывали только шаблонный ответ: “Удалите этого человека в Тюмень, и мы перестанем писать о нем”, а удалить его было не так просто. Мои попытки повлиять на печать также успеха не имели <...>. Газетные кампании не предвещали ничего доброго». В результате, резюмирует Коковцов, «как это ни странно, вопрос о Распутине невольно сделался центральным вопросом ближайшего будущего»³.

Первыми Распутина атаковали – как придворно-кулуарно, так и открыто, через прессу – крайние монархисты. Инициатором атаки стал близкий ко двору епископ Феофан – православный фундаменталист, одно время бывший царским духовником. Формально он решил выступить против «старца» и добиться его удаления от царской семьи по той причине, что узнал о сексуальных «похождениях» Распутина от растленных им женщин,

---

¹ Коцюбинский Д.А., Семькина Е.В. «Развратный хлыст» или жертва молвы? Споры о Григории Распутине в начале XX века // Родина. 2015. № 10. С. 108 – 111; Коцюбинский Д.А. Покушение на Г.Е. Распутина 29 июня 1914 г. в откликах российской прессы (июнь – июль 1914 г.) // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 33 – 42.

² Из архива Щегловитова / Предисл. И.И. Тоболина // Красный архив. 1926. № 15. С. 105.

³ Коковцов В.Н. Из моего прошлого (1903 – 1919): Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2004. С. 17 – 21.

исповедовавшихся Феофану¹. Однако такое объяснение истинных мотивов Феофана (независимо от того, как сам он их в тот момент осознавал) не выглядит убедительным, поскольку известно: о том, что Распутин в Казани «на бабе ездил», волынский архиепископ Антоний предупреждал Феофана задолго до этого², что, однако не помешало последнему способствовать сближению Распутина с великими князьями и с государем.

Представление о недопустимости пребывания «старца» возле «царей» у Феофана и других видных черносотенцев, стремившихся влиять на императора, возникло лишь тогда, когда вошедший в доверие к царской чете «Наш Друг» (как называла Распутина императрица), в отношениях с «царями» фактически встал выше церкви, отгородив царскую чету от непосредственного влияния со стороны церковных иерархов и влиятельных отцов церкви, включая лично Феофана: «Распутин явился на готовую почву. На Царицу он повлиял очень быстро и вытеснил влияние Феофана»³.

В 1909 г. «старец», не считаясь с мнением Феофана и других влиятельных столичных церковников, убедил Николая II заставить Св. Синод отменить решение о переводе иеромонаха Илиодора (бывшего в ту пору близким приятелем «старца») за слишком радикальное черносотенное поведение из Царицына – в Минск⁴. Таким образом, Феофан и его единомышленники решили выступить против Распутина – сперва в ходе высочайших аудиенций⁵, а затем, после неудачи этих попыток, через прессу – не после того, как узнали о его предосудительном поведении, но лишь тогда, когда увидели в нем более влиятельную, чем сами они, политическую силу. Особую остроту негодованием приближенных к трону ультра-монархистов придавал тот факт, что не кто иной, как сам Феофан (в ту пору архимандрит) вдохновил «сестер-черногорок» Милицу и Стану (жен великих князей Петра и Николая Николаевичей) на то, чтобы они представили императору 1 ноября 1905 года «божьего человека из Тобольска» – Григория Распутина, который в дальнейшем, отказавшись быть марионеткой в руках крайне правых церковников, жестоко разочаровал своих первоначальных покровителей. Распутин фактически перехватил у черносотенных церковников их придворную маску самозванных представителей «русского православного народа» и сумел убедить Александру и Николая, что именно в нем, Григории, они обрели ту долгожданную поддержку со стороны «народа», которой им так не хватало после катастрофы 1905 года.

¹ Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Распутин: Жизнь. Смерть. Тайна. М., 2014. С. 122.

² Там же.

³ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания // E-libra: электронная библиотека. [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <https://e-libra.ru/read/465694-teni-proshlogo-vozpominaniya.html>

⁴ Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Распутин: Жизнь. Смерть. Тайна. С. 120 – 121.

⁵ Там же. С. 122 – 125.

Тот факт, что Григорий Распутин фактически заменил собой царской чете правых церковников в качестве духовно-политической опоры и вошел с Александрой и Николаем в гораздо более близкий психологический контакт, позднее признал один из духовных воспитанников и соратников Феофана – Вениамин (Федченков), в ту пору архимандрит, впоследствии митрополит: «Люди ошибочно привыкли считать, что в царских домах живет счастье. Думаю, едва ли не самая тяжелая жизнь в чертогах! Особенно в предреволюционное время, когда дворцам отовсюду грозили беды, покушения, взрывы, бунты, вражда, ненависть. <...> И как легко понять, что этим людям в такую трудную годину хотелось иметь в ком-нибудь опору, помощь, утешение. Мы, духовные, – причин немало, и не в одних нас были они, – не сумели дать этого требуемого утешения: не горели мы. А кто и горел, как о. Иоанн Кронштадтский, то не был в фаворе, потому что давно, уже второе столетие, с Петра Великого, духовенство там вообще было не в почете. <...> Даже в прямых церковно-государственных делах Церковь не могла сноситься с царем-правителем непосредственно, а было поставлено средостение в виде “ока государева”, <...> обер-прокурора Синода. <...> Вместо же влияния духовенства в придворную сферу проникало увлечение какими-нибудь светскими авантюристами, спиритами. <...> И вот является теперь не привычный и далекий архиерей, не незначительный и скромный батюшка, а особенный, мирской, “святой человек”. Можно было заинтересоваться таким! А Григорий Ефимович мог производить впечатление своей силой утешения. Он не был никаким гипнотизером или шарлатаном, а просто своей силой действовал на людей. Нельзя же забывать, что ученый монах и богослов о. Феофан чтит его как святого и всегда (в начале) был в радости от общения с ним. Чему же удивляться, если и в царском доме, и у великих князей увлекались им? А царица, несомненно, была религиозною женщиной. И вдруг такой наставник и утешитель! Да еще в труднейшую эпоху: после неудачной войны с Японией, во время первой революции, а потом и во время первой войны с немцами. Всякому верующему человеку при таких условиях захотелось бы услышать голос человека Божия... Легко сказать: святому Бог открыл то и то... А царица считала его за святого. А что он происходил из мужиков, так это придавало ему особенную привлекательность – “сам народ” в лице Григория Ефимовича говорит непосредственно с царем народа! Немалое, но никак уж не главное, не первостепенное значение в увлечении им была болезнь наследника (слабость кровеносных сосудов). Этому обычно придают чуть ли не важнейшую роль в вере царицы Распутину, который будто бы облегчил эту болезнь. Если это и верно, <...> то вера матери в исцеление ее сына лишь увеличивала почитание ею старца-чудотворца. Как относился к нему сам государь, я не имею окончательного мнения. Некоторые думают, что он терпел все лишь ради царицы и сына и не мог поступить против более сильной воли царицы. А есть основание предполагать, что и он любил Григория. Ведь и он

был человек, нуждавшийся в утешениях и советах, и он был верующим в Бога и Божиих людей. Вероятнее всего, у него сочетались обе причины: личная нужда в советнике и влияние царицы»¹.

Поскольку крайне правые – как наиболее приближенные к императору силы – первыми столкнулись с «фактором Распутина», фактически перебившего им прежний привилегированный доступ к уму и сердцу императора, они первыми и атаковали неугодного им царского фаворита.

Именно ультра-монархисты, а отнюдь не либеральная оппозиция (как нередко принято считать), первыми обрушились на Распутина с жесткой и во многом основанной на домыслах, а не фактах, критикой на страницах прессы, открыв таким образом информационную охоту на «старца». Со страниц одной из самых влиятельных ультра-монархических правых газет – «Московских ведомостей» – Россия впервые «официально» услышала неблагозвучную фамилию царского фаворита (до этого в либеральной прессе его именовали лишь по имени²), узнала о том, что он «хлыст» и «эротоман», одним словом, получила тот негативный (и во многом гротескно-ложный) образ его личности, который в дальнейшем лег в основу «распутинского мифа» и стал фундаментом повсеместной ненависти к «старцу».

Автор самой первой критической статьи о Распутине, опубликованной в номере «Московских ведомостей» от 2 марта 1910 года под заголовком «Духовный гастролер Григорий Распутин», крайне правый православный миссионер и религиозный философ М.А. Новоселов, обрушил на голову царского любимца целый поток негативных оценок и оскорблений, а также обвинений, во многих случаях лишенных убедительных источниковых подтверждений и являвшихся фантастическими домыслами: «Можно пожалеть об этой замене [имелось в виду высочайше дарованное Распутину право на вторую часть фамилии – «Новый», – Д.К.], так как первоначальная фамилия находится в большом соответствии с жизнью сего “старца”»; «Он целыми месяцами живет в Петербурге, ходит из дома в дом и занят исключительно разговорами и щелканьем орехов»; «Его меховая шуба совсем не подходит к тем рубищам и вретичам, в которые одевались искренно кающиеся; стол у него в Петербурге всегда самый изысканный, у него есть определенные вкусы в этом отношении... На груди носит какие-то особенные наперсные кресты»; «Он всячески окружает себя штатом женщин, отдавая предпочтение тем из них, которые красивее <...>, садится с женщинами на один стул, целуется с ними, гладит их, ходит под руку,

---

¹ Вениамин (Федченков). Митрополит Вениамин. Две революции // По ком звонит колокол: сетевой миссионерско-просветительский журнал. [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <https://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=2630>

² Коцюбинский Д.А. Первые публикации о Г.Е. Распутине в российской прессе (конец 1909 – начало 1910 г.) // Российская история. 2018. № 4. С. 143 – 151.

трогает за лопатки (и больше того) и произносит фразы вроде следующей: “я не люблю NN, потому что она уж очень толстая, а вот NN крепче и круглее” <...>. Женщины – главный проводник его во все дома»; «Семья у него поставлена очень худо. По рассказам живших на его родине, жена его страшно ревнует ко всем приезжающим женщинам и дерется из-за них с ним <...>. Дети у него озорники и распутники. С братом своим он находится в отношениях очень худых. Большинство односельчан его не любят. Как крестьянин он, о чем я говорил выше, эксплуатирует труд других и вообще к труду тяжелому, земельному не прилежит. Впрочем, это и понятно, так как его главное занятие – отхожий религиозный промысел. Здесь он успеваает довольно, о чем свидетельствует его зажиточность, создавшаяся на этой почве. Хотя он и не трудится, но человек корыстный, алчный, неблагодарный <...>. Сколько из-за него пролито слез, сколько разбитых жизней, расстроенных семейств и просто – всяческого горя и обмана!»; «Вскрывшиеся <...> и доселе продолжающие вскрываться все новые факты в жизни нашего “духовного гастролера” привели епископа Феофана к тому, что он совершенно отверг от общения с собой Григория Распутина и в письме ко мне по поводу моей статьи написал: “Новые данные, открывающиеся из деятельности Г., еще более подтверждают, что он заблуждается более и более и попадает под власть бесовскую, помрачился окончательно и упорствует в неправде всяческими неправдами”»¹.

Как можно с большой долей вероятности предположить, подвергая царского фаворита жестким информационным нападкам, крайне правые не могли подспудно не сознавать, что такие их действия грозят дальнейшим падением и без того поколебленного революцией авторитета монарха. Однако, черносотенцы, как можно понять, исходили из того, что утрата царем непосредственного контакта с идейными вождями самодержавно-православной ортодоксии несет в себе неизмеримо большую угрозу для России в целом и надеялись, что, сознавая это, Николай II не рискнет противопоставлять себя авторитетным ультра-монархистам и в итоге отдалит от себя Распутина, вернув им, таким образом, их прежний привилегированный статус ближайших царских советников. Как монарха, способного править самостоятельно, вне императивного духовного на него воздействия, крайне правые Николая II не воспринимали и потому стремились любой ценой оградить его от распутинского влияния, которое расценивали как абсолютно пагубное: «Что касается падения монархии, – рассуждал Л.А. Тихомиров на страницах своего Дневника в 1912 г., – то Дума тут идет только сбоку явления, немножко его подпирает, но не порождает <...>. Коренная причина падения монархии кроется – во-первых, в страшном нравственном упадке России, во-вторых, — в состоянии Династии, которая при нескольких десятках членов прямо отсутствует в государствен-

¹ Новоселов М. Духовный гастролер // Московские ведомости. 1910. 2 марта.

ной жизни России. <...> Самого Государя я глубоко сожалею. Это, вероятно, несчастнейший человек в России. Нигде поддержки, нигде опоры. В недрах семьи – больная супруга, страшно нервная, и это влечет за собою какой-то ложный мистицизм, а в его результатах – появление ряда личностей, прямо губящих Трон. Ведь Григорий не первый. <...> И разговоры, — вероятно, на большой % прямо врагов Трона, разносят по России тысячи сплетней, вероятно, и клеветы. Все это накапливает впереди – черные тучи. А Государь не находит сил положить этому конец. По-видимому, он много понимает, много знает, но что из этого, если не хватает воли?»¹. Данная запись позволяет разглядеть ярко выраженные иррациональные особенности самосознания черносотенцев, с одной стороны считавших себя верноподданными монархистами, а с другой – объявивших открытую войну ближайшему царскому фавориту. Так, сетуя на «тысячи сплетен», которые разносились по всей стране в связи с именем Распутина, Тихомиров, судя по всему, вполне искренне в этот момент не осознавал – «вытеснив» данный психологически травматогенный факт из своего сознания – того, что именно он как редактор «Московских ведомостей» в свое время дал этим газетным пересудам «зеленый свет».

После того, как черносотенцы «перешли Рубикон» публичного распространения негативных оценок личности царского фаворита, радикально-либеральная пресса, до той поры опасавшаяся цензурных репрессий со стороны правительства Столыпина, подключилась к обсуждению личности «старца» в критическом ключе. В качестве отправных при этом использовались цитаты из «установочной» статьи Новоселова: «Отхожий религиозный промысел. Этот остроумный термин мы заимствуем из статьи М. Новоселова в “Моск. вед.” о старце Григории Новых (настоящая его фамилия Распутин). <...> И какой только дряни не развелось теперь на Руси!»; «Г. Новоселов ...имел мужество описать в “Моск. вед.” амурные похождения этого блаженного», – писали соответственно кадетская «Речь»² и прогрессистское «Утро России»³.

Именно в этот момент – весной 1910 г. – когда крайне правые обрушились на «старца» с грубыми нападками, а более левые общественные активисты и газетчики эти нападки энергично поддержали, были заложены основы антираспутинской фронды, стихийно объединившей общественность в самом широком диапазоне – от крайне левых до крайне правых.

Основная цель указанной фронды заключалась в максимальной дискредитации царского фаворита. При этом из либеральных – гораздо более многочисленных и популярных, нежели черносотенные – и особенно жел-

---

¹ Тихомиров Л.А. Из дневника Л. Тихомирова. 1912 – 1916 [Электронный ресурс] // Pravaya.ru: радикальная ортодоксия. [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://pravaya.ru/book/19/855>

² Б/а. Разные известия. Отхожий религиозный промысел // Речь. 1910. 4 марта.

³ Б/а. Кто такой старец Григорий? // Утро России. 1910. 23 марта.

тых (массовых) изданий либерального толка, пересказавших статью Новоселова, о Распутине в одночасье узнала практически вся Россия. В том числе те правые, которые до сих пор не придавали особого значения циркулировавшим о «старце» слухам, но кто отныне, после произведенного редакцией «Московских ведомостей» «выноса сора из избы», превратился в непримиримого врага царского фаворита.

Хозяйка известного ультра-монархического петербургского салона – генеральша А.В. Богданович, в частности, записала 20 марта 1910 г. в своем дневнике типичный для того времени набор скандальных слухов «старце», в значительной мере недостоверных: «Сегодня много интересного, но грустного, даже возмутительного слышала о Григории Ефимовиче Распутине, этом пресловутом “старце”, который проник в “непроницаемые” места. Газеты разоблачают этого “старца”, но на высоких его покровителей эти разоблачения не производят впечатления, они им не верят, и двери их открыты этому проходимцу. Слышала, что в Царском Селе все служащие во дворце возмущены против “Ефимова”, его нахальством, поведением, но сильную поддержку он имеет в самой царице. Этого дрянного человека допускают во всякое время во дворец. Когда появилась о нем статья в “Петербургском листке” [массовая желто-либеральная газета, – Д.К.], нянюшка цесаревича, Вишнякова, показала ее царице, но за это получила строгий выговор с угрозой, что ее выгонят. Даже страшно подумать, какое там самообольщение. Недели три назад приехал с докладом Столыпин и прождал полчаса, так как в это время хозяин находился у жены, у которой в спальне сидел этот “блажка” <...>. Так прочно уверовали хозяева Царского в этого “блажку” <...> Вырубова ездила к “блажке” в Тюмень, у него гостила. Несколько горничных были оскорблены этим “блажкой”. Одна из них должна родить, и он открыто говорил, что “Аннушка” (т.е. Вырубова) ее ребенка возьмет к себе. И такой человек принят, сидит вместе с хозяином [Николаем II, – Д.К.] и с ним запанибрата беседует, даже дает ему свои советы! И это творится в XX веке! Прямо ужас!»¹.

До какой степени в реальности редакция ультра-монархической газеты не заботилась в тот момент о сохранении авторитета самодержавного государства, свидетельствует следующий факт. Увидев, что поднятая ею антираспутинская волна захлестнула российскую прессу и общественность, включая либерально-оппозиционную, 30 марта редакция «Московских ведомостей» не только не «сбавила обороты», но, напротив, опубликовала продолжение новоселовских «разоблачений» под заголовком «Еще нечто о Григории Распутине»: «Мне достоверно известно, что этот самый “старец” <...> из религиозных якобы побуждений и с религиозными целями устраивал в бане, несомненно у себя на родине, а вероятно и в других местах, своеобразные “собеседования” с своими обольщенными его “свято-

¹ Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. М.; Л., 1924. С. 484.

стью» поклонницами, причем как сам он, так и несчастные целой группой предстояли друг другу совершенно нагими!»¹.

После того, как П.А. Столыпин, обеспокоенный появлением в российской прессе публикаций, направленных против царского фаворита, а фактически против императорской четы, обратился к редактору «Московских ведомостей» Л.А. Тихомирову с просьбой не публиковать материалов о «старце»² (а сам редактор так и не дождался аудиенции у государя, на которую, публикуя антираспутинский компромат, рассчитывал), «Московские ведомости» прекратили размещать на своих страницах обличительные материалы о Распутине. Однако старт обсуждению «распутинской темы» на страницах российской прессы, которое в дальнейшем продолжало лишь развиваться, был дан.

Следующий мощный импульс общественной антираспутинской кампании также был придан черносотенцами и подхвачен более левыми участниками вышеупомянутой «фронды».

В декабре 1911 года иеромонах Илиодор (к этому времени поссорившийся с Распутиным из-за того, что тот отказался выхлопотать у правительства деньги на издание задуманной Илиодором боевой антисемитской и де-факто антиправительственной газеты «Гром и молния»), стал в отместку распространять размноженные на гектографе письма к Распутину императрицы и царских дочерей, перед тем украденные Илиодором у «старца»³. Насыщенное телесной чувственностью письмо Александры Федоровны было расценено общественностью как подтверждающие наличие между Распутиным и царицей интимных отношений⁴. После этого Илиодор и его союзник – крайне правый саратовский епископ Гермоген, собрав компанию возмущенных монархистов, заманили Распутина на Ярославское Синодальное подворье в Петербурге, где остановился Гермоген – и там подвергли «старца» побоям, потребовав от него дать клятву не приближаться к царской семье⁵. Распутин пожаловался на напавших на него идейных монархистов царю, после чего Николай II уволил Гермогена из

---

¹ Новоселов М. Еще нечто о Григории Распутине // Московские ведомости. 1910. 30 марта.

² Тихомиров Л.А. Из дневника Л. Тихомирова. 1912 – 1916 [Электронный ресурс] // Prava.ru: радикальная ортодоксия. [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://pravaya.ru/book/19/855>

³ Коцюбинский Д.А., Таран С.Ю. Российская пресса об обсуждении распутинской темы в Государственной думе в начале 1912 г.: история одного медийно-политического скандала // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 7 – 8 декабря 2017 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2018. Ч. 1. С. 183 – 191.

⁴ Коковцов В.Н. Из моего прошлого (1903 – 1919): Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 452.

⁵ Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Распутин: Жизнь. Смерть. Тайна. С. 130.

состава Св. Синода, и епископу было приказано удалиться в Саратовскую епархию. После отказа подчиниться данному предписанию Гермоген был сослан в Западный край, в Жировицкий Успенский монастырь. Скандал, связанный с опалой Гермогена и его конфликтом со «старцем», резко активизировал обсуждение «распутинской темы» в прессе и обществе¹.

В январе 1912 г. все тот же крайне правый православный просветитель и миссионер Новоселов опубликовал брошюру с «кричащим» заголовком: «Распутин и мистическое распутство». В предисловии к ней высшее церковное руководство было подвергнуто резким нападкам за попустительское «развратному хлысту»: «Доколе <...> святейший синод, перед лицом которого уже несколько лет разыгрывается этим проходимцем преступная трагикомедия, будет безмолвствовать и бездействовать?.. Где его “святейшество” [обер-прокурор Синода, – Д.К.], если он по нерадению или малодушию не блюдет чистоты веры церкви Божией и попускает развратному хлысту творить дела тьмы под личиной света? Где его “правлящая десница”, если он и пальцем не хочет шевельнуть, чтобы извергнуть дерзкого растлителя и еретика из ограды церковной?»².

И хотя брошюра Новоселова подверглась превентивному аресту, ее предисловие было перепечатано несколькими правоцентристскими газетами³ (по этой причине также арестованными), а затем внесено в полном объеме в думский запрос к правительству, содержащий протест против цензуры и принятый единодушно всеми без исключения фракциями (единственный случай за всю историю дореволюционных Госдум) и после этого перепечатанный российскими газетами уже на вполне законном основании и без каких-либо цензурных ограничений. В данном случае по-своему повторилась «фигура» весны 1910 г., но если тогда инициированная крайне правыми публичная атака на «старца» захватила только прессу, то в начале 1912 г. актуализированная в очередной раз с подачи крайне правых «анти-распутинская фронда» вышла на думский уровень.

24 января 1912 г., одновременно с атакой на Распутина, инициированной Новоселовым, «Московские ведомости» предоставили свои полосы для публикации открытого письма нескольких видных московских крайне правых, которые в завуалированной, хотя и прозрачной форме поддержали епископа Гермогена в его противостоянии с Распутиным, а также осудили

---

¹ Коцюбинский Д.А., Таран С.Ю. Российская пресса об обсуждении распутинской темы в Государственной думе в начале 1912 г.: история одного медийно-политического скандала // Таврические чтения 2017. С. 183 – 191.

² Новоселов М. Распутин и мистическое распутство. М., 1912. С. III – IV.

³ Новоселов М. Голос православного мирянина // Голос Москвы. 1912. 24 января; Б/а. Хроника // Вечернее время. 1912. 25 января.

то, каким образом был наказан Гермоген Св. Синодом (де-факто – императором) и потребовали пересмотра данного решения¹.

И в дальнейшем ультра-монархисты инициировали шумные и агрессивные выступления против «старца».

Очередной эпизод приключился весной 1915 года. В ситуации масштабного немецкого наступления, начавшегося в мае 1915 г., московская группировка высокопоставленных ультра-монархистов во главе с великой княгиней Елизаветой Федоровной (сестрой императрицы), ее подругой З.Н. Юсуповой и мужем последней – главноначальствующим над г. Москвой графом Ф.Ф. Сумароковым-Эльстоном решила устроить массовую патриотическую антинемецкую манифестацию (которая, правда, вылилась в трехдневный анархический погром людей с иностранными фамилиями²). Целью акции было «надавить» на императора и заставить его отстранить от себя «немецкую партию», которую, по убеждению черносотенных патриотов, возглавляли Александра Федоровна и Распутин, несшие, таким образом, в глазах антираспутинцев, ответственность за поражения российской армии.

Из среды крайне правых исходили и практически все известные попытки организации покушений на Распутина – И.А. Думбадзе, А.Н. Хвостова и др.³ З.Н. Юсупова и в. кн. Елизавета выступили одними из вдохновителей Ф.Ф. Юсупова-младшего и его подельников – крайних монархистов, совершивших убийство «старца» в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. в Юсуповском дворце, расположенном на набережной р. Мойки в Петербурге.

Резко негативное отношение черносотенцев к царскому фавориту подтвердил, выступая перед Чрезвычайной следственной комиссией в 1917 г., один из лидеров Союза русского народа (СРН) и думской фракции «правых» Н.Е. Марков. По его словам, позиция СРН по поводу Распутина была «самая отрицательная»: «Мы считали, что это проходимец, который губит Россию»⁴.

При этом крайне правые были искренне убеждены в том, что, фактически выступая против воли государя, они спасают самодержавие: основной бедой, обрушившейся на Россию, они полагали не то обстоятельство, что в стране оформилась широкая антираспутинская фронда, которая де-факто подрывала авторитет монарха, но тот факт, что Распутин монополизировал

¹ Самарин Ф., Васнецов В., Дружинин Н., Кожевников В., Корнилов А., Мансуров П., Новоселов М., Самарин П., Хомяков Д., Шереметев П. Святейший Синод и епископ Гермоген. Голос мирян // Московские ведомости. 1912. 24 января.

² Кирьянов Ю.И. «Майские беспорядки» 1915 г. в Москве // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 137 – 149.

³ Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Распутин: Жизнь. Смерть. Тайна. С. 191; Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний (далее – ПЦР). М.; Л., 1925. Т. 3. С. 391.

⁴ ПЦР. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 190.

влияние на самодержца, подменив собой верноподданных советников-монархистов.

Так, раскрывая позднее мотивы своих действий, убийца Распутина Ф.Ф. Юсупов пояснял, что, согласно его расчетам, убийство «старца» должно было позволить близким к трону «здоровым» монархическим силам начать, наконец, оказывать на Николая II «правильное» воздействие: «Нам казалось, что Распутин был лишь болезненным наростом, который нужно было удалить, чтобы вернуть русскую монархию к здоровой жизни»¹; «Чтобы пробудить в Государе его собственную инициативу и поддержать его собственную волю, нужно было противопоставить влияниям близко окружающих какую-то очень внушительную и крепко организованную силу. Если бы Он увидел, что большинство членов Императорской Фамилии и все честные люди на высших государственных должностях дружно сплотились во имя спасения Престола и России, быть может, Он не только откликнулся бы на их требования, но был бы им благодарен за нравственную поддержку и за избавление от тех цепей, которыми Он был связан»².

При этом Юсупов, как и другие антираспутински настроенные черносотенцы, оправдывал свои по факту бунтовщические планы и действия фантастическим допущением, что Николай II якобы сам мечтал о скорейшем «освобождении» его от зловредного распутинского влияния: «<...> 19-го декабря, утром, Государь приехал из Ставки. Сопровождавшие Его рассказывали, что, после получения известия о смерти Распутина, Он был в таком радостном настроении, в каком Его не видали с самого начала войны. Очевидно, Государь сам почувствовал и поверил, что, с исчезновением “старца”, с Него спадут тяжелые оковы, которые Его связывали и которых Он не имел сил с себя сбросить. Но лишь только Он возвратился в Царское Село, как Его душевное состояние резко изменилось, и Он снова оказался всецело под влиянием окружающих. <...> Если Государь, узнав о смерти “старца” в радостном настроении ехал из Ставки, следовательно, Он сознавал весь вред Распутина для России, но Он не был в состоянии сохранить то же отношение к убийству Распутина в обстановке Царского Села <...>»³.

Искаженно-некритическое восприятие собственных мотивов и всего смысла антираспутинской кампании, а также ее последствий толкало крайне правых на инверсивную оценку личности «старца» и его поведения. Еще один убийца Распутина, черносотенный лидер В.М. Пуришкевич, в частности, инкриминировал «старцу» нанесение ущерба авторитету царской власти и при этом игнорировал тот факт, что Распутин оказался в центре внимания общественности и превратился в компрометирующий

¹ Юсупов Ф.Ф. Воспоминания. Убийство Распутина. Л., 1990. С. 123.

² Там же. С. 122.

³ Там же. С. 113, 121.

императора «знак» благодаря многолетней информационно-политической активности общественности, в том числе крайне правой, стоявшей у самых истоков «распутинского скандала». Сразу после убийства Распутина Пуришкевич пояснял мотивы своих действий следующим образом: «<...> я с чувством глубочайшей горечи наблюдал день ото дня упадок авторитета и обаяния царского имени в войсковых частях, и — увы! — не только среди офицерской, но и в толще солдатской среды, — и причина тому одна — Григорий Распутин»¹.

Помимо этого, черносотенцы (как и другие участники «антираспутинской фронды») инкриминировали «старцу» самые разнообразные формы государственного вреда, начиная от «разрушения церкви», продолжая коррупцией и заканчивая (в годы войны) «немецким шпионажем». В своей речи, произнесенной 19 ноября 1916 г. на заседании Госдумы, Пуришкевич адресовал Распутину обвинение в том, что он де-факто является незаконным правителем страны и заклинал с думской кафедры: «<...> да не будет Гришка Распутин руководителем русской внутренней, общественной жизни»².

Таким образом, именно черносотенцы, как церковные, так и светские (в первую очередь, высокопоставленные и приближенные к двору либо стремившиеся публично воздействовать на императора), являлись самыми активными и опасными врагами Распутина. Они инициировали распутинский скандал, последовательно подогревали в обществе ненависть к «старцу», способствовали возникновению феномена широкой «антираспутинской фронды» (фактически перейдя по данному вопросу на сторону оппонентов Николая II), первыми стали обсуждать – как тайно, так и явно – перспективу устранения Распутина и, в конце концов, физически его уничтожили, невольно подтолкнув тем самым страну к революции.

Чуть позже, чем черносотенцы, хотя и не менее яростно и шумно, против Распутина выступили правоцентристы – русские националисты (умеренно-правые) и октябристы (правые либералы).

Так же, как и крайние монархисты, правоцентристы были убеждены в своем преимущественном праве политически «давить» на государя, в том числе через повременную печать. Свои лоббистские прерогативы они основывали на том, что стремились воздействовать на императора, прежде всего, институционально – через Государственную думу (в которой у правоцентристов было большинство) и председателя Совета министров П.А. Столыпина (являвшегося их стратегическим политическим покровителем и союзником), а не в порядке частных и общественных инициатив, как это делали черносотенцы. С данной тактикой правоцентристы связывали расчеты на возрождение утраченного авторитета российской власти, но не по-

¹ Пуришкевич В.М. Дневник. «Как я убил Распутина». М., 1990. С. 5.

² Государственная дума Российской империи. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия V. СПб., 1916. Стб. 288.

средством возвращения императору его самодержавно-неограниченных прав, а через утверждение полновластности политического тандема премьер-министра Столыпина и «третьеиюньской» Государственной думы, успешно «направляющих» царя в «нужное» реформаторское русло. Однако, Столыпин, а вместе с ним и правоцентристы, так же «споткнулись» о Распутина, как и крайне правые лоббисты.

После того, как вступивший в противоборство с Распутиным – а фактически с царской четой – Столыпин потерпел политическое поражение и вскоре был убит, правоцентристы, связывавшие со Столыпиным все свои надежды на успешное развитие России, активно подключились к обличительной антираспутинской кампании.

Мощным стимулом для правоцентристов в данном случае явилось распространявшееся среди них сразу же после гибели Столыпина подозрение в том, что к его убийству были причастны – прямо либо косвенно – императорская чета и Распутин. Шульгин посвятил этому обстоятельству пространный отрывок своих мемуаров: «Столыпин многократно повторял: “Меня убьет моя охранка”»; «Императрица Александра Федоровна не скрывала своего нерасположения к председателю Совета министров. Как можно поручиться, что не было таких карьеристов, которые думали, что можно возвыситься, если Петра Аркадьевича не станет? Тягостное впечатление произвело и то, что те люди, по вине которых был убит глава правительства, не были должным образом наказаны <...>»; «<...> когда [сенатор Н.З., – Д.К.] Шульгин привлек к делу главных руководителей охраны полковника Кулябко, статского советника Веригина, генералов Курлова и Спиридовича, обвиняемых в бездействии, непринятии надлежащих мер охраны убитого премьера и превышении власти, то по приказу Императора следствие было прекращено. Из обвиняемых лиц пострадал лишь Кулябко, но не за убийство Столыпина, а за выяснившуюся во время расследования крупную растрату казенных денег <...>»; «Государственная Дума после убийства Столыпина не была созвана на чрезвычайное заседание. <...> не было объявлено, что первое заседание, приходившееся как раз на сороковой день после трагической смерти главы правительства, будет посвящено его памяти. После объявления об открытии заседания было сообщено не об убийстве Столыпина, а об утрате, понесенной Государственной Думой в лице ее члена от Минской губернии генерал-лейтенанта в отставке, бывшего начальника жандармских отделений в нескольких губерниях С.Н. Мезенцева. Было предложено отслужить по нем панихиду, память его была почтена вставанием. Только после этого председатель М.В. Родзянко выступил с прочувствованным словом о покойном Столыпине»¹.

Ясно, что вполне прозрачный упрек в нежелании почтить память покойного премьера достойно Шульгин адресовал не председателю Думы

¹ Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 127, 131 – 132.

октябристу Родзянко (который все же выступил в итоге с «прочувствованным словом» и чья партия, как и партия русских националистов, восприняла убийство Столыпина как политическую катастрофу), а царской чете, стремившейся как можно скорее стереть память о покойном премьере и, как следовало из контекста, убедившей Родзянко не делать главного мемориального акцента на памяти о трагически погибшем премьере. В мемуарах Шульгина также содержится наводящий га соответствующие конспирологические размышления рассказ неназванного свидетеля, поведавшего о том, что накануне гибели Столыпина Распутин, увидев проезжающую мимо карету премьера, «пророчески» воскликнул: «Смерть за ним!.. Смерть за ним едет!.. За Петром... за ним»¹.

Вскоре после убийства Столыпина, в конце 1911 – начале 1912 гг. лидер «Союза 17 октября» А.И. Гучков принял участие в распространении компрометирующих царскую чету и выкраденных Илиодором (о чем упоминалось выше) писем императрицы и царских дочерей к Распутину².

В январе 1912 г. ведущая умеренно-правая газета «Свет» активно выступила на стороне епископа Гермогена в его противостоянии Распутину и Св. Синоду (а фактически – Николаю II)³.

Октябристский официоз «Голос Москвы» и правоцентристское «Вечернее время», как уже отмечалось выше, предоставили свои полосы для публикации предисловия конфискованной брошюры Новоселова⁴. После того, как по вопросу о незакономерности ареста номеров правоцентристских газет, напечатавших данный текст, был принят думский запрос, дословно воспроизведший «конфискованную» статью и сделавший ее, таким образом, абсолютно легальным текстом, его перепечатка и обсуждение оказались в центре внимания всей российской прессы в целом⁵.

---

¹ Там же. С. 407.

² Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Распутин: Жизнь. Смерть. Тайна. С. 132.

³ Б/а. С.-Петербург, 9 января // Свет. 1912. 10 января; Б/а. Из беседы с еп. Гермогеном // Свет. 1912. 12 января; Абрамов Н. Беседа с епископом Гермогеном // Свет. 1912. 14 января; Абрамов Н. Беседа с иеромонахом Илиодором // Свет. 1912. 15 января; Б/а. Арест газеты «Свет» // Свет. 1912. 18 января; Абрамов Н. В Ярославском подворье. Трагедия епископа Гермогена // Свет. 1912. 20 января; Самарин Ф., Васнецов В., Дружинин Н., Кожевников В., Корнилов А., Мансуров П., Новоселов М., Самарин П., Хомяков Д., Шереметев П. Святейший Синод и епископ Гермоген. Голос мирян // Свет. 1912. 27 января.

⁴ Новоселов М. Голос православного мирянина // Голос Москвы. 1912. 24 января; Б/а. Хроника // Вечернее время. 1912. 25 января.

⁵ Б/а. Вечернее заседание // Газета-копейка. 1912. 26 января; Б/а. Запрос о конфискации газет // Московские ведомости. 1912. 26 января; Б/а. Запрос о конфискации газет // Московские ведомости. 1912. 27 января; Б/а. Запрос о конфискации газет // Русские ведомости. – 1912. – 26 января; Б/а. Запрос о похождениях хлыста Распутина // Петербургская газета. 1912. 26 января; Б/а. Запросы в Государственной Думе: По телефону из СПб, от нашего корреспондента // Голос Москвы. 1912. 26 января.

Именно в этот период, когда обсуждение газетных скандалов, связанных с его именем, выплеснулось на думскую кафедру, в феврале 1912 г., Распутин в одном из интервью пожаловался на газеты как главную для себя опасность: «Газеты словно птицы, когда начинают петь, никак не могут уняться... Не разбирают, что и как... Трещат... Гудят... Обижают... Возвеличивают... Какой-то угар... Никто не хочет хладнокровно подумать... Какой-то вихрь... Кто по дороге попался, пощады нет... Заморят... А за что, никто не спросит... Даже маленького крошку и того ждет беда... За что на меня, на крошку, напали... <...> Может, я не крошка, что так заволновались... Словно дикая пляска...»¹.

Это интервью Распутин дал И.Ф. Манасевичу-Мануйлову вскоре после того, как в Думе один за другим выступили лидеры правоцентристов с прямыми антираспутинскими выпадами.

Так, один из лидеров фракции «независимых националистов» В.Н. Львов в выступлении 25 января 1912 года в связи с принятием вышеупомянутого антицензурного запроса первым произнес с думской кафедры фамилию «старца»: «Что за странная личность Григорий Распутин, который изъят из-под ведения обыкновенных законов о печати и который поставлен на странный пьедестал недостижимости и недоступности? В этом виде и предложен нами запрос, чтобы низвергнуть эту личность с ее пьедестала в обыкновенную житейскую прозу, и пусть печати будет предоставлено о естественное право, которое всякой печати – судить о неизвестной личности. <...> (*Рукоплескания в центре, справа и слева*)»².

На том же думском заседании, выступая непосредственно перед Львовым, лидер октябристов Гучков, хотя и воздержался от упоминания имени Григория Распутина, высказался о нем предельно прозрачно и резко. Тем самым обличительный дискурс о «старце» сразу вышел на принципиально новый политический уровень: «Гг., тяжелые и жуткие дни переживает Россия; глубоко взволнована народная совесть; какие-то мрачные призраки средневековья встали перед нами. (*Голоса слева: верно, правильно*). Неблагополучно в нашем государстве. Опасность грозит нашим народным святыням. Но где же они, охранители этих святынь, святыни алтаря и святыне трона? <...> Почему безмолвствует голос иерархов, почему бездействует государственная власть? И тогда патриотический долг, долг службы независимой прессы и долг нашей совести, долг совести народного представительства, возвысить свой голос, дать исход тому общественному негодованию, которое накапливается в стране»³.

¹ И. М-в. (Манасевич-Мануйлов И.Ф.). У Григория Распутина // Новое время. 1912. 18 февраля. С. 3.

² Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Часть II. Заседания 42 – 83 (с 10 января по 3 марта 1912 г.). СПб., 1912. Стб. 1016.

³ Там же. Стб. 1015 – 1016.

В еще более публицистически заостренном выступлении (которое в выкриках с места лидер крайне правых Н.Е. Марков 2-й назвал «бабьими сплетнями» и «митинговой речью»¹) с думской кафедры 9 марта 1912 года Гучков уже прямо называл Распутина по имени: «...хочется говорить, хочется кричать, что церковь в опасности и в опасности государство. Вы все знаете, какую тяжелую драму переживает Россия; с болью в сердце, с ужасом следим мы за всеми ее перипетиями, а в центре этой драмы загадочная трагикомическая фигура – точно выходец с того света или пережиток темноты веков, странная фигура в освещении XX столетия. (*Голос слева*: электричество и царь). Быть может, изувер-сектант, творящий свое темное дело, быть может, проходимец-плут, обдeldывающий свои темные делишки... Какими путями достиг этот человек этой центральной позиции, захватив такое влияние, перед которым склоняются высшие носители государственной и церковной власти? (*Голос слева*: целуйте ручки). <...> Григорий Распутин не одинок; разве за его спиной не стоит целая банда, пестрая и неожиданная компания, взявшая на откупа и его личность, и его чары? Ненасытные честолюбцы, тоскующие по ускользнувшей из их рук власти, темные дельцы, потерпевшие крушение журналисты (Крупенский, *с места*: Сазонов)... Антрепренеры старца! Это они суфлируют ему то, что он шепчет дальше. Это целое коммерческое предприятие, умело и тонко ведущее свою игру. <...> никакая революционная и антицерковная пропаганда в течение ряда лет не могла бы сделать того, что достигается событиями последних дней (*голоса*: верно), и прав был со своей точки зрения Гегечкори, когда сказал: “Распутин полезен!” А я добавлю: “чем распутнее, тем полезнее для друзей Гегечкори”. <...> (*Продолжительные рукоплескания центра, слева и на отдельных скамьях справа; шиканье на отдельных скамьях крайне правой*)»², – провозглашал Гучков в выступлениях перед членами Госдумы в течение января – марта 1912 г.

В свете вышесказанного не кажется удивительным, что именно лидера октябристов императрица Александра Федоровна возненавидела больше других российских думцев и в письмах к мужу желала ему смерти – в частности, предлагала его повесить³, как и еще одного лидера октябристов – председателя Четвертой Госдумы М.В. Родзянко⁴.

Со своей стороны, лидеры правоцентристов испытывали к царской чете не менее острое раздражение в связи с фактором распутинского влия-

¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Часть III. Заседания 84 – 119 (с 5 марта по 28 апреля 1912 г.). СПб., 1912. Стб. 583.

² Там же. Стб. 583 – 585; Б/а. Запросы в Государственной думе: По телефону из СПб, от нашего корреспондента // Голос Москвы. 1912. 26 января; Новое время. 1912. 10 марта; А.И. Гучков в Третьей Государственной думе (1907 – 1912 гг.). Сб. речей. СПб., 1912. С. 117.

³ Переписка Николая и Александры Романовых. 1916 – 1917 / С предисловием М.Н. Покровского. М., 1926. Т. III. С. 295; Т. IV. С. 14.

⁴ Там же. Т. V. С. 36.

ния, по их убеждению, помешавшего Столыпину реализовать его реформаторский проект. Думается, не в последнюю очередь по этой причине именно вожди правоцентристов – Гучков и Шульгин – отправились 1 марта 1917 г. к Николаю II за отречением от престола. Тем самым они как бы символически брали реванш за поражение их кумира (а вместе с ним, как они были убеждены, и России в целом), погибшего политически, а возможно, и физически по вине царя.

При этом, отвечая на вопрос о причинах своего негативного отношения к «старцу», правоцентристы, так же, как и крайне правые, стремились обвинить его в том, что своей деятельностью он наносил стране непоправимый вред – прежде всего тем, что лишал царскую власть остатков авторитета. Вопрос о роли в этом прессы и общественности в целом, а равно самих правоцентристов и их политической активности – как в Думе, так и за ее пределами, оставался при этом вынесенным за скобки: «Так или иначе, но начало разложения русской общественности, падение престижа царской власти, престижа и обаяния самой личности царя роковым образом связаны с появлением при русском Дворе и его влиянием на жизнь Двора Григория Распутина»¹, – констатировал, находясь уже в эмиграции, Родзянко; «Есть страшный червь, который точит, словно шашель, ствол России. Уже всю середину изъел, быть может, уже нет и ствола, а только одна трехсот-летняя кора еще держится... И тут лекарства нет... Здесь нельзя бороться... Это то, что убивает... Имя этому смертельному: Распутин!!!»², – так воспроизводил свои предреволюционные переживания Шульгин.

Таким образом, негативное отношение правоцентристов к Распутину основывалось, как и у крайне правых, на некритически-искаженном понимании истинных мотивов неприятия общественностью фигуры «старца» и реальных последствий действий «антираспутинской фронды», а равно на мифологизированно-«демоническом» восприятии «старца» как всемогущего и мистически неодолимого врага всей российской государственности.

Участие либеральной оппозиции (левых либералов) в «антираспутинской кампании», в основном, сводилось к максимальной популяризации скандальных информационных поводов, связанных с именем Распутина, которые создавали крайне правые и правоцентристы, а также к самостоятельному поиску новых фактов, подтверждающих обвинения, которые выдвигали против «старца» более правые политические силы. Несмотря на то, что в мемуарной и исторической литературе распространено мнение о ведущей роли либерально-оппозиционной («кадетской») прессы в раздувании «распутинского скандала», это справедливо лишь с поправкой на политическую вторичность ее информационной активности. Либерально-оппозиционная пресса выступала в роли мощного резонатора и усилителя

¹ Родзянко М.В. Крушение империи. Л., 1929. С. 10.

² Шульгин В.В. Дни. Л., 1925. С. 65.

политических атак, с которыми обрушивались на «старца» более правые политические силы.

По сути первым самостоятельным антираспутинским выступлением левых либералов стала знаменитая речь кадетского лидера П.Н. Милюкова «Глупость или измена», произнесенная с думской кафедры 1 ноября 1916 г. и содержащая намеки на принадлежность Александры Федоровны и Распутина, а также близких к ним лиц – И.Ф. Манасевича-Мануйлова, митрополита Питирима, Б.В. Штюрмера к гипотетической «немецкой партии»¹.

При этом отношение левых либералов отличалось спецификой. В отличие от крайне правых и правоцентристов, видевших в Распутине главную преграду на пути воплощения в жизнь их политических программ и в силу этого стремившиеся лишь к его скорейшему отстранению от контактов с царской семьей, левые либералы – кадеты, прогрессисты и беспартийная радикально-либеральная общественность – относились к «старцу» двояко.

С одной стороны, либеральная оппозиция вполне сознательно и весьма активно использовала скандальный распутинский сюжет как средство возгонки оппозиционных настроений в обществе. Данная цель достигалась как через множественные публикации в прессе², так и посредством выступлений с думской кафедры. Лидер кадетской партии П.Н. Милюков признавал в этой связи: «Наружу мы [думцы] сами вывели Распутина, когда Государственная дума впервые о нем заговорила. Тогда это был первый скандал, который был публично устроен <...>. Это первый случай раскрытия отношений Распутина к царской семье <...>»³.

С другой стороны, представители либеральной оппозиции, так же, как и представители более правых политических течений, видели в Распутине источник непосредственного вреда, причиняемого государству, а также преграду, стоящую на пути ее «правильного» – в данном случае конституционно-демократического – развития. Либеральные оппозиционеры рассматривали Распутина как средоточие коррупции в высших эшелонах власти, а также как важнейший, наряду с Александрой Федоровной, источник «безответственных влияний», по вине которых ключевые посты в правительстве занимали наиболее «реакционные» и некомпетентные министры. Особенно нестерпимым все это становилось в глазах либералов в период войны: «За счет царя с этого времени на первый план выдвинулась царица.

---

¹ Документы XX века. Речь П.Н. Милюкова на заседании Государственной думы. (Из стенограммы заседания 1 ноября 1916 года) [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://doc20vek.ru/node/1428>

² Коцюбинский Д.А., Таран С.Ю. Российская пресса об обсуждении распутинской темы в Государственной думе в начале 1912 г.: история одного медийно-политического скандала // Таврические чтения 2017. С. 183 – 191.

³ ПЦР. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 356.

Единственная "мущина в штанах", она принимала министерские доклады и все более уверенно входила во вкус государственного управления. Распутин льстил ей сравнением с Екатериной II. Разумеется, в государственных делах она понимала еще меньше, нежели император в военных <...>. Двор замыкался в пределы апартаментов царицы и "маленького домика" верной, но глупой подружки царицы, Анны Вырубовой. Над ними двумя царил Распутин, а около этого центрального светила группировались кружки проходимцев и аферистов, боровшихся за влияние на Распутина <...>»; «Все они составляли средостение, через которое нужно было пробраться, чтобы заслужить милость царицына окружения и попасть на высшие посты – без всякого отношения к личным знаниям и заслугам. Впрочем, высшими постами дело не ограничивалось. Мелкие дельцы делали мелкие дела, назначали на должности, освобождали от воинской повинности, от судебного преследования и т. д. за соответствующую таксу. Квартира Распутина покрывала сделки, его рекомендательные письма с бланковой формулой: "милай, помоги" фабриковались пачками <...>»; «[премьер-министр] Штюмер не был таким рамоликом [развалиной], как [его предшественник] Горемыкин. Но он все же проявлял все признаки старчества и мог ходить "на веревочке". Совершенно невежественный во всех областях, за которые брался, он не мог связать двух слов для выражения сколько-нибудь серьезной мысли и принужден был записывать – или поручать записывать – для своих выступлений несколько слов или фраз на бумажке. В серьезных вопросах он предпочитал таинственно молчать, как бы скрывая свое решение. Зато он очень хорошо умел соблюдать при всех назначениях собственные интересы»¹, – так вождь Партии народной свободы П.Н. Миллюков описывал пагубность распутинского влияния в период Первой мировой войны.

Таким образом, с одной стороны, будучи заинтересованными во всемерном распространении антираспутинского «мобилизующего мифа» как средства «подталкивания» общества в направлении новой политической революции, с другой стороны, левые либералы – как и представители более правых течений – жаждали скорейшего устранения Распутина от любых контактов с царской четой, ибо были искренне убеждены в том, что именно он является главным препятствием на пути продвижения России к прогрессу и в особенности – к ее победе в войне.

При этом следует подчеркнуть, что то, в чем обвиняла Распутина леволиберальная пресса, являлось (как и в случае с обвинениями, которые предъявляли «старцу» крайне правые и правоцентристы) «инверсивной», то есть искажающей суть причинно-следственных связей интерпретацией его действий и мотивов.

---

¹ Миллюков П.Н. Воспоминания (1859 – 1917). М., 1990. С. 190 – 193.

Так, вопреки предубеждениям, распространенным среди либералов, у Распутина, Александры Федоровны и их верной помощницы-консультантки Анны Вырубовой не было намерений вводить в состав правительства как можно более враждебно настроенных по отношению к Госдуме и как можно менее компетентных министров. Распутин и его покровители стремились лишь к тому, чтобы рекрутировать на высшие правительственные посты таких сановников, которые были бы согласны занять должность, не требуя взамен немедленного удаления «старца» из столицы. Но таких кандидатов в министры, по мере развития в обществе массового антираспутинского возбуждения, становилось все меньше.

При этом в период войны, ставший кульминационным в развитии конфликта между оппозиционно настроенным думским большинством и самодержцем по вопросу о «распутинском влиянии» и создании «министерства доверия» (из сановников, пользующихся поддержкой думцев), царская чета и «старец» стремились, насколько могли, «идти навстречу» Думе. Так, в феврале 1916 г. по рекомендации «старца» Николай II лично посетил Госдуму¹. Дважды на пост главы МВД назначались члены Госдумы: осенью 1915 г. – член фракции «правых» А.Н. Хвостов, осенью 1916 г. – представитель думской оппозиции, октябрист А.Д. Протопопов. Однако утвердившееся к тому времени априорное восприятие обществом всего, что было связано с именем «старца», как заведомо реакционного и зловредного, порождало эффект «обратной причинности»: если того или министра либеральная общественность подозревала в близости к Распутину, этот сановник автоматически оказывался причисленным к категории «реакционеров» и «темных сил», независимо от своих исходных политических характеристик. Наиболее ярко это проявилось в отношении думского большинства и оппозиционно настроенной общественности к А.Д. Протопопову. Сразу же после того, как этот один из недавних авторитетных думских лидеров получил при посредстве «старца» пост главы МВД, он был немедленно этикетирован своими вчерашними коллегами как «распутинец» и враг «народного представительства»².

Все вышесказанное позволяет сделать ряд выводов.

В основе ненависти к Григорию Распутину практически всех политических сил, начиная от крайне правых и кончая либеральной оппозицией, лежали два ключевых обстоятельства. Во-первых, то, что по итогам Первой русской революции император Николай II стал восприниматься общественностью как нелегитимный правитель, которого каждая политическая сила стремилась де-факто поставить под свой контроль. Во-вторых, то, что Г.Е. Распутин расценивался общественностью как роковое препятствие на пути оказания эффективного давления на Николая II с целью проведения в жизнь той или иной партийной программы.

¹ Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Распутин: Жизнь. Смерть. Тайна. С. 194.

² Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 122.

Несмотря на то, что программные установки у различных политических сил были принципиально различными, в своем противостоянии «старцу» они действовали де-факто солидарно и сплачивались все теснее, постепенно приобретая черты единой антираспутинской фронды.

Уход с политической сцены П.А. Столыпина способствовал резкому и стремительно усиливающемуся нарастанию в обществе антираспутинских настроений. И чем дальше у различных политических групп не получалось ликвидировать «распутинскую помеху» и обрести хотя бы относительно «настоящую власть» в лице правительства, готового к постоянному сотрудничеству с частью Думы, тем сильнее бурлило всеобщее раздражение от отсутствия в стране по-настоящему легитимной власти.

Обвинения, которые предъявляли Распутину различные политические партии («хлыстовство» и подрыв авторитета самодержца; злоумышление против Столыпина; злонамеренное протаскивание в правительство «реакционеров»; немецкий шпионаж и т.д.) в действительности являлись пропагандистскими декорациями – во многом «незаметными» для самих антираспутинцев и не осознаваемыми ими – которые скрывали истинные причины недовольства фактором «старца», отмеченные выше.

Степень враждебной настроенности тех или иных общественных сил по отношению к Распутину, а равно степень активности их действий, направленных персонально против «старца», увеличивалась строго в направлении «слева направо». Максимальной она была у крайне правых, первыми выступивших с антираспутинскими обличениями и в дальнейшем неоднократно предпринимавших попытки физического устранения «старца», последняя из которых завершилась его убийством. Почти столь же ярко выраженной, хотя и менее криминально заостренной, была антираспутинская настроенность правоцентристов, активно обличавших Распутина как в прессе, так и с думской кафедры. Позиция либеральной оппозиции, включая в себя ненависть к царскому фавориту как источнику – по убеждению либералов – наиболее реакционных и мракобесных тенденций в деятельности правительства, в то же время предполагала активное использование распутинского скандала как инструмента компрометации царской власти и подготовки страны к новой политической революции.

Анализ истории возникновения и нарастания в межреволюционный период феномена «массового помутнения» сознания российской общенности, выразившегося в коллективной утрате ею социальной перцепции и формировании совершенно искаженного восприятия как фигуры Распутина, так и собственных мотивов, а также последствий своих политических действий, позволяет сделать вывод о том, что основной причиной данных деструктивных процессов являлся не чей-то субъективный фактор – Г.Е. Распутин, Николая II, Александры Федоровны, какой-то из политических сил и т.д. – но объективный фактор дефицита легитимности власти. Указанный дефицит был вызван формальной и фактической утра-

той российским императором самодержавного полновластия. Попытка компенсировать указанный дефицит за счет политической авторитетности («харизмы») премьер-министра П.А. Столыпина означала последовательное лишение Николая II остатков самодержавной легитимности и встретила с его стороны сопротивление. В ситуации стремления всех общественно-политических сил оказывать на самодержца, утратившего прежнюю легитимность, активное давление, Николай II постарался психологически отгородиться от враждебной ему общественно-политической среды квазирепрезентативной «народной» фигурой «божьего человека Григория». Данная ситуация, особенно после гибели Столыпина, обрекла общественность на продолжительное существование в условиях власти, воспринимаемой как нелегитимная. В свою очередь, это породило феномен повсеместно нарастающего политического раздражения (фрустрации) и всеобщей ненависти к «старцу». Данное психопатологическое по своей сути состояние политически активной части общества обрекло представителей образованного класса на саморазрушающие действия, в конечном счете приведшие Россию к революционному обвалу.

Сюткина М.А.

***Проблема плагиата и фактологических подтасовок в
русской прессе начала XX в.: газетная полемика в связи с
сообщениями о покушении на Г.Е. Распутина
(июнь – июль 1914 г.)***

Информационная атака на личность «старца» и царского друга Григория Распутина, предпринятая дореволюционной прессой, стала одним из факторов, повлекших за собой падение авторитета самодержца и самодержавия в целом в России непосредственно перед событиями Февральской революции 1917 г.¹

В данном докладе будет проиллюстрирован антропологический аспект некоторых особенностей работы петербургских и московских журналистов в первую неделю после нападения на Распутина религиозной фанатички Хионии Гусевой в селе Покровском 29 июня 1914 г. Одной из центральных тем, вокруг которой развернулась газетная полемика в первые же дни после покушения на Распутина, стала тема воровства различными изданиями информации друг у друга без ссылок на источник, а также достоверности публикуемых сведений.

Необходимо отметить, что достоверность информации, публиковавшейся российскими газетчиками в рассматриваемый отрезок времени, и не только в сообщениях о Григории Распутине, зачастую ставится исследова-

¹ Коцюбинский Д.А. Покушение на Г.Е. Распутина 29 июня 1914 г. в откликах российской прессы (июнь – июль 1914 г.) // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 33 – 42.

телями под сомнение. Так, А. Терещук отмечает: «В истории отечественной журналистики отнюдь не редко встречаются ситуации, в которых репортеры, пользовавшиеся, казалось бы, одними и теми же источниками информации, в итоге рисовали совершенно различные картины произошедшего»¹. В свою очередь, С. Фомин, издавший многотомное исследование о Г.Е. Распутине, приводя на страницах своего исследования, посвященного 1914 году, доказательства фальсификации газетных материалов² заключает, что «в основе многих газетных уток лежали вовсе не вынужденные в обстановке дефицита информации фантазии журналистов, а вполне сознательная дезинформация ими читателей»³. На использование «сибирского мужика» прессой в качестве «информационного товара» для извлечения прибыли указывает и А. Варламов⁴.

В первые дни после совершения покушения на Г.Е. Распутину получение свежих новостей о состоянии его здоровья было затруднено в связи с повреждением телеграфной линии в Сибири. И хотя «Вечернее время» было убеждено в том, что сведения о Распутине целенаправленно ограничиваются Департаментом полиции⁵ (что косвенно подтверждается тем фактом, что частные сообщения друзьям Распутина в Петербург из Покровского все-таки доходили⁶), погоня за сенсацией побуждала журналистов публиковать любые добытые материалы. Общее напряжение и читательские ожидания были настолько велики, что журналистский адреналин выплеснулся на страницы газет отчасти в виде полемики и обвинений друг друга в нечестном поведении и в плагиате.

Первым о новостном плагиате возмущенно заговорил «Петербургский курьер» – молодая газета, корреспондент которой – Вениамин Дувидзон – поехал вслед за Распутиным в Покровское и оказался свидетелем событий, происходивших там после покушения. Материал от 1 июля, написанный, судя по всему, редактором-издателем газеты Николаем Нотовичем, «Петербургский курьер» подробно, до известной степени даже смакуя эту информацию, описал ситуацию воровства у него другими газетами информационных сообщений.

«Наш осведомительный материал имеет одну черту сходства с владельческими особами: он любит путешествовать инкогнито. Иная наша телеграмма или заметка обкочует половину печати и ни разу не заикнется о том, что она родом из “Петербургского курьера”. <...> Как известно, “Пе-

¹ Терещук А.В. Григорий Распутин. Последний «старец» Империи. СПб., 2006. С. 362.

² Фомин С. Григорий Распутин: расследование. «Страсть как больно, а выживу...». М., 2011. С. 168 – 186.

³ Там же. С. 167.

⁴ Варламов А.Н. Григорий Распутин-Новый. М., 2007. С. 410 – 411.

⁵ Б/а. Новое о покушении на Гр. Распутину. С.-Петербург. Телегр. Агентство и Распутин // Петербургский курьер. 1914. 1 июля; Вечернее время. 1914. 1 июля.

⁶ Фомин С. Григорий Распутин: расследование. С. 167.

тербургский курьер” был единственной в России газетой, напечатавшей еще вчера (30 июня) утром телеграммы о покушении на Распутина. Произошло это потому, что, как оказывается, только у “Пет. курьера” имелся на месте собственный корреспондент. Другие газеты, столько кричавшие о Распутине и его почти мистической роли в судьбах нашего отечества, не догадались даже, когда он внезапно уехал в село Покровское, послать за этим интересующим всю Россию человеком своего хроникера. Русские большие газеты вообще мало заботятся о том, чтобы дать своему читателю свежие последние новости. Им это чересчур хлопотно. Ведь настоящая, европейски поставленная информация, требует не просто рутинности, но энергии, труда и находчивости. Гораздо легче, не греша суетой, положиться на Петербургское телеграфное агентство и Осведомительное бюро. Они, мол, все равно не прозевают. В результате, и “Новое Время”, и “Речь”, и другие большие столичные газеты не смогли сегодня обмолвиться ни словом о покушении на знаменитого “старца”, и один лишь “Пет. курьер” вышел с телеграммами из Покровского.

Но вечерние газеты нашли выход из затруднения. Помещенные у нас телеграммы сейчас же переехали на столбцы “Вечернего времени” и “Веч. биржевых ведомостей”, – конечно, совершенно инкогнито и даже в загримированном виде. Проще всего поступило “Вечернее время”. То прямо начинает свою заметку следующим образом: “Сегодня стало известным, что в селе Покровском, куда на днях прибыл «старец» Распутин, на него было совершено покушение. Какая-то неизвестная женщина ранила Распутина в область живота. О состоянии его здоровья ходят совершенно разноречивые толки. По одной из версий – старец находится в агонии, – по другой – опасности для жизни не предвидится”.

Как видите – простой пересказ наших телеграмм. Было бы, конечно, приличнее, – в начале указать на источник, ибо кроме, как из “Петербургского курьера”, приводимые газетою факты ниоткуда ей не “стали известными” и не могли “стать известными”. А две версии, о которых сообщается, представляют собой две одновременные телеграммы нашего корреспондента. Этика решительно протестует против столько бесцеремонного пользования чужой собственностью и чужими обновками. Но видно, этика не в слишком большом фаворе у наших милых братьев.

Что касается “Биржевых ведомостей”, то те таскают художественно и с вдохновением. Недаром там сидят сочинители, которым не впервой украшать чувствительными узорами собственного воображения сжатую канву телеграмм. К сожалению, дошкольное образование этих сочинителей не стоит на одном уровне с их фантазией, и потому в их беллетристике попадают следующие, напр., курьезы:

“О покушении на жизнь Григория Распутина в петербургских высших кругах стало известно еще вчера утром”. [Цитируется сообщение из «Биржевых ведомостей» от 30 июня. «Петербургский курьер» подлавливает га-

зету на том, что покушение было совершено днем, следовательно, утром того же дня о нем еще никто не мог узнать, – М.С.]

<...> Стыдно, господа!»¹.

Замечания «Петербургского курьера» не оставались без внимания тех, против кого он выступал. «Вечернее время» уже в следующем выпуске оправдывалось тем, что ПТА (Петербургское телеграфное агентство) ограничивало поступающие новости, идя по стопам Департамента полиции:

«Директор Департамента полиции заявил нам вчера, что все сведения, полученные Департаментом о покушении на жизнь Распутина, хранятся в полной тайне. Это – право Департамента полиции хранить в тайне полученные ими сведения. Но почему Департаменту полиции подражает Петербургское телеграфное агентство? Почему оно хранит в тайне событие, которым – худо ли, хорошо ли – интересуется Россия, или во всяком случае Петербург? Положим, агентство – учреждение официальное. Но ведь не полицейское? Или все то, что официально, должно непременно быть полицейским?»² (такие вот звучащие и сегодня злободневно комментарии российские газетчики публиковали более ста лет назад).

«Вечернее время» было не единственной газетой, которая списывала свои журналистские неудачи на телеграф, усматривая в перебоях в его работе злой политический умысел. Так, в тот же день, 1 июля, «Вечерние известия» опубликовали сообщение, в котором выдвинули предположение, что молчание телеграфа по распутинскому делу «красноречивее самых красноречивых слов»³.

В то же время продолжалась полемика на страницах «Петербургского курьера» и «Биржевых ведомостей» – последнюю газета Н. Нотовича избрала своей главной мишенью.

2 июля «Петербургский курьер» опубликовал очередной пространный материал с подробным рассказом о воровстве у него информации, касающейся покушения на Распутина.

«Мы вчера случайно поймали почтенные “Биржевые ведомости” на очень непочтенном занятии: а именно – таскании телеграмм со страниц “Петербургского курьера” и перекраивании их в собственные известия “Биржевых ведомостей”. Факт, как факт. Решительно ничего особенного для нравов и повадок газетки. Кто ее на этом не лавливал, кто ее за это не трепывал? Кажется, пора бы привыкнуть или бросить непочтенное поведение.

Но “Биржевка” чрезвычайно обиделась. Именно у самых потрепанных и бывают истеричные приступы такой невероятной обидчивости. “Бир-

---

¹ Б/а. Вместо обзора печати // Петербургский курьер. 1914. 1 июля.

² Б/а. ?? // Вечернее время. 1914. 1 июля.

³ Б/а. Новое о покушении на Гр. Распутина. С.-Петерб. Телегр. Агентство и Распутин // Петербургский курьер. 1914. 1 июля.

жевка” не на шутку старается, чтобы ее приняли не за ведомую в участок нераскаянную Магдалину, а за грозную Фемиду с мечом:

“Курьер”, переселившись из Парижа в Петербург, внес в газетные нравы те же принципы, которыми, очевидно, руководится в своих... финансовых операциях. Никогда русская печать так не падала, никогда так не развращалась, как теперь, с нарождением этой “банковской” газеты»¹. (Очевидно, в данной цитате из «Биржевых ведомостей». содержался намек на связи Н. Нотовича с банковскими кругами, т.к. в 1910 – 1917 гг. он являлся редактором-издателем еженедельника «Финансовое обозрение»).

Далее «Петербургский курьер», отвечая на критику «Биржевых ведомостей», сообщал, что его работа абсолютно прозрачна и что всем остальным газетам следует брать с него пример. И продолжал тему плагиата, вопрошая: «...сбондили или не сбондили у нас “Бирж. вед.” наши вчерашние телеграммы?»². В данном случае газета Нотовича также «перешла на личности» и поддела «Биржевые ведомости» посредством игры слов: один из редакторов-издателей «Биржевых ведомостей» носил фамилию Бонди.

Далее «Петербургский курьер» вновь цитировал вечерний выпуск «Биржевых ведомостей», где упоминалось о получении редакцией газеты собственной телеграммы из Покровского за № 10151. При этом «Петербургский курьер» не оставлял попыток еще более задеть коллег, иронически выражая сомнение в их профессиональной добросовестности: «...мы хотели бы посмотреть полученную “Бирж. вед.” из Покровского собственную телеграмму за № 10151. А что, как в ней содержится только одно слово: отвяжитесь?»³. Здесь стоит пояснить, что таким образом «Пет. курьер» давал понять, что не допускает возможность тайной продажи В. Дувидзонном, находившимся в Покровском, эксклюзивной информации о Распутине «Биржевым ведомостям». Однако, как представляется, данный пассаж скорее свидетельствовал о том, что возможность этически некорректного поведения собкора «Петербургского курьера» принципиально существовала.

В тот же день, в вечерних «Биржевых ведомостях» был опубликован ответ. Текста телеграммы № 10151 он, впрочем, не содержал, зато продолжил газетную пикировку: «“Мировая трагедия” в селе Покровском заслонила для “Петербургского курьера” решительно все на свете, включительно до здравого смысла. Нет героя, кроме Распутина, и “Курьер” – пророк его. <...>»⁴. Далее «Биржевые ведомости» обвиняли «Петербургский курьер» в публикации «чистого вздора» и во лжи о присутствии собственного корреспондента в Покровском. Также «Бирж. вед.» уличали «Пет. курьер» в обнаружении ложных новостей.

¹ Б/а. Обзор печати // Петербургский курьер. 1914. 2 июля.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Б/а. Покушение на Гр. Распутина // Биржевые ведомости. 1914. 2 июля.

«В погоне за сенсацией “Петербургский курьер” вчера поместил следующее известие: “Как нам сообщают, вчера в 12 часов дня на квартире фрейлины Ея Величества А. А. Вырубовой в Царском Селе была получена срочная телеграмма о покушении на Григория Распутина. Тотчас же по получении телеграммы А.А. Вырубова выехала из Царского Села в Петербург, а оттуда на Николаевский вокзал, для следования поездом, отходившим в 8 часов 30 минут в Иркутск. С тем же поездом уехало в Иркутск много высокопоставленных лиц”. Это известие – сплошная ложь, так как А.А. Вырубовой в 12 часов дня в Царском Селе не было, а она была в Кронштадте, затем А.А. Вырубова отбыла с Кронштадтского рейда в Финляндию; что касается того, что в Иркутск (?) уехало много высокопоставленных лиц в связи с покушением на Распутина, то это, разумеется, вымысел. Почему именно в Иркутск, а не в Харбин, когда покушение на Григория Распутина произошло в селе Покровском, Тобольской губернии»¹.

В данном случае правда оказалась полностью на стороне «Биржевых ведомостей»: А.А. Вырубова действительно находилась вместе с царской семьей на императорской яхте в Финском заливе, в Иркутск же поклонники Распутина не выезжали. Следует отметить, что и фрейлиной императрицы Вырубова уже не являлась, так что упоминание этого ее звания либо призвано было в очередной раз намекнуть на непростительную близость Распутина к царской семье, либо – что вероятнее – продемонстрировало информационную нечестность журналистов некоторых газет (как будет показано далее, «Петербургский курьер» в итоге все же обратил внимание на то, что Вырубова – не фрейлина, «Биржевка» же, проморгавшая эту «мелочь», упустила возможность своевременно поддеть конкурента за фактологическую оплошность).

Отвечая на прозвучавшие в его адрес замечания, «Петербургский курьер» перевалил всю вину за дезинформацию на «Русское слово». Согласно этим объяснениям, якобы московский корреспондент «Петербургского курьера» услышал где-то, что в «Русском слове» готовятся напечатать про отъезд Вырубовой в Тюмень, после чего другой сотрудник «Петербургского курьера» позвонил в квартиру Вырубовой и узнал, что ее вещи были отправлены на вокзал – это было принято за доказательство ее отъезда в Сибирь. Однако не было учтено, что вещи отправились вовсе не к поезду в Тюмень или Иркутск, а на петергофскую пристань и далее на яхту «Штандарт».

«ПОПРАВКА. Считаю долгом исправить досадную ошибку, происшедшую, благодаря спешной газетной работе. <...> В четвертом часу дня наш московский корреспондент сообщил нам по телефону, что в Русском слове напечатана телеграмма о выезде г-жи Вырубовой в Тюмень. Немедленно одному из наших сотрудников было поручено проверить это сооб-

---

¹ Там же.

щение. Из справки по телефону на квартире г-жи Вырубовой были получены следующие сведения:

“Г-жа Вырубова получила в 12 часу телеграмму и немедленно приказала сложить некоторые вещи и отправилась [из Царского Села, – М.С.] в Петербург”.

Эти сведения показались нашему сотруднику достаточными для того, чтобы подтвердить сообщение “Русского слова”, которое помещено в номере от 1 июля.

Между тем оказалось, что вещи г-жи Вырубовой были отправлены на петергофскую пристань, к отходившей в 9 часов Императорской яхте “Штандарт”, куда за несколько минут до отхода прибыла пешком сама г-жа Вырубова.

Кстати. В нашей заметке г-жа А.А. Вырубова именуется фрейлиной Ее Величества. В этом звании она состояла до выхода замуж.

Недосмотр, подобный случившемуся, всегда возможен в редакционной работе, и мы крайне удивлены тем обстоятельством, что такая понятная с точки зрения каждого газетного работника ошибка привлекла к себе такое повышенное внимание некоторых газет, тем более, что в основу нашего недосмотра легло ошибочное сообщение другой газеты¹.

В том же номере «Петербургский курьер» продолжил свои нападки на «Биржевые ведомости»: «...вывод за ушко да на солнышко все-таки подействовал на нее. Вместо бесконечных реляций, перекроенных из наших известий, – сейчас в графе “Покушение на Распутина” смиренно красуются только следующие две строчки: *По последним сведениям, состояние здоровья Гр. Распутина улучшилось.* Не много для могучей газеты, почерпнувшей свою информацию исключительно у графов и герцогов. И даже это очень немногое выжато из нашей же телеграммы»².

В данном случае, однако, «Петербургский курьер», стремясь «поддеть» недобросовестного конкурента, сам допускал дезинформацию. Дело в том, что в утреннем, и в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» за 2 июля были опубликованы не «две строчки», а несколько новостных абзацев о состоянии здоровья Распутина³. Но «Петербургскому курьеру» было важно любой ценой убедить читателей в том, что он являлся единственным источником газетных новостей о Распутине.

Кроме того, «Петербургский курьер» не преминул напомнить, что пресловутую телеграмму № 10151 «Биржевые ведомости» так и не показали⁴, что, по мнению газеты Н. Нотовича, доказывало факт воровства «Бир-

¹ Б/а. Покушение на убийство Григория Распутина // Петербургский курьер. 1914. 3 июля.

² Б/а. Обзор печати // Петербургский курьер. 1914. 3 июля.

³ Б/а. Покушение на Григория Распутина. Состояние здоровья // Биржевые ведомости. 1914. 2 июля; Б/а. Покушение на Гр. Распутина // Там же.

⁴ Б/а. Обзор печати // Петербургский курьер. 1914. 3 июля.

жевкой» материалов из «Петербургского курьера». Спустя еще один день, 5 июля, «Петербургский курьер» все еще требовал предъявить эту телеграмму, но так ничего от «Биржевых ведомостей» и не дождался¹. На этом пикировка данных двух газет закончилась.

В то же время в ходе публикации новостей о раненом Распутине происходили и иные профессиональные журналистские коллизии.

Так, еще одним проявлением профессиональной беспринципности журналистов стала публикация «Русских ведомостей» от 3 июля, которая гласила: «Завтра в “Петербургском курьере” будет напечатана телеграмма собственного корреспондента: “Тюмень, 2/VII. Перенесение Распутина с пристани, куда он был доставлен на пароходе “Ласточка”, в городскую больницу обошлось без приключений. В больнице Распутину врачом Владимиром была произведена операция. По словам лиц, близких к Распутину, она произведена удачно”»².

Появление сообщения, где московская газета «анонсировала» публикацию, которая еще только должна была появиться в петербургском издании, могло говорить о том, что в данном случае имела места какая-то не очень приглядная ситуация. Либо «Русскими ведомостями» был подкуплен тюменский телеграфист, задержавший телеграмму, посланную корреспондентом «Петербургского курьера» и сообщивший о ее содержании «конкурирующей фирме». Либо, что кажется более вероятным, сам Дувидзон, решив превратить свое монопольное пребывание в Покровском в успешный бизнес, негласно продал свой материал, подготовленный для «Петербургского курьера», в сокращенном виде также редакции «Русских ведомостей».

Трудно сказать, почему «Русские ведомости» решили, что в «Петербургском курьере» эта информация появится на день позже. Возможно, за «отдельную плату» Дувидзон пообещал, что «придержит» информацию для своей собственной газеты. Но в реальности он ее послал, судя по всему, «и туда, и сюда». И в тот же день, 3 июля, «Петербургский курьер» опубликовал ту же информацию, что и «Русские ведомости», правда, в виде нескольких «депеш» и более многословно³.

Стоит отметить, что сообщения Дувидзона о том, где и при каких обстоятельствах Распутину была сделана операция, помимо всего прочего, являлись фальшивками. В реальности эта операция была осуществлена в Покровском⁴, а в Тюмень – притом на пароходе «Сухотин» (а не «Ласточ-

¹ Б/а. Обзор печати // Петербургский курьер. 1914. 5 июля.

² Б/а. Нападение на Распутина. Последние сообщения // Русские ведомости. 1914. 3 июля.

³ Б/а. Покушение на убийство Григория Распутина. Операция // Петербургский курьер. 1914. 3 июля.

⁴ Дело судебного следователя Тобольского окружного суда по Тюменскому уезду о покушении на убийство кр-на села Покровского Григория Ефимовича Распутина-Нового

ка») – «старец» был перевезен лишь ранним утром 3 июля¹, а не 2 июля, как – с подачи Дувидзона – написали газеты.

В пользу фальсификации новостных материалов либо самим Дувидзоном, либо редакцией «Петербургского курьера» выступает и тот факт, что 2 июля «Петербургский курьер» опубликовал интервью², которое Дувидзон якобы взял у задержанной Хионии Гусевой, покушавшейся на Распутина. В этом интервью содержались различные подробности, вызывавшие жалость к обвиняемой – она представала как неизлечимо больная, желавшая положить конец тому злу и обману, в которые Распутин ввергает верующих людей. Однако, как сообщила газета «Русское слово»³, ее редакция сделала запрос в Департамент полиции, откуда узнала, что к Гусевой журналисты не были и не могли быть допущены и что, кроме того, подозреваемая была перевезена в Тюмень сразу после совершения ею покушения, что делало невозможным для Дувидзона, находившегося в Покровском, каким бы то ни было образом получить доступ к ней.

Все вышесказанное позволяет сделать несколько выводов.

Публичная полемика газет в погоне за сенсациями раскрывает некоторые характерные механизмы работы газетчиков того времени.

К газетным публикациям того периода необходимо относиться с осторожностью. В ситуации с интервью, которое Дувидзон якобы брал у Гусевой, даже опубликованная редакцией газеты фотография телеграммы, якобы полученной от своего корреспондента, не является доказательством достоверности данной информации, потому содержание телеграммы расходится с фактами из материалов дела.

В целом, как следует предположить, неразборчивость в средствах и «всеядность» газет – в том числе крупных и влиятельных – при освещении сенсаций, связанных с именем Распутина, объяснялись не только низкими профессионально-этическими стандартами русской журналистики рассматриваемой эпохи, но также повышено-пристрастным – на грани массовой паранойи⁴ – отношением читающей публики в «распутинской теме», когда с готовностью «проглатывались» любые, зачастую самые личные и гротескно фантастические сообщения. В свою очередь, это не могло не побуждать газетчиков к тому, чтобы стремиться любой ценой удовлетворить указанный ажиотажный читательский запрос.

(9 и 1454 ст. Улож. О Нак.). Т. 1. // Фомин С. Григорий Распутин: расследование. С. 384.

¹ Б/а. Прибытие Гр. Распутина // Сибирская торговая газета. 1914. 4 июля.

² Б/а. Беседа с Гусевой. Покушение на убийство Григория Распутина // Петербургский курьер. 1914. 2 июля.

³ Б/а. Покушение на убийство Григория Распутина. Вымышленная «беседа» // Русское слово. 1914. 3 июля.

⁴ Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Психическое здоровье общества. Ч. 1 // Независимый психиатрический журнал. 2018. № 4. С. 15.

Колоницкий Б.И.
Образ Распутина в политических слухах

Можно с уверенностью предположить, что Григорий Ефимович Распутин и в будущем будет оставаться объектом изучения, интересным для представителей разных дисциплин. Особо важным предметом исследования он является для ученых, занятых анализом политической ситуации накануне революции 1917 года.

Следует, привлекая новые источники, выявить реальное воздействие Распутина на назначения государственных деятелей высокие правительственные посты и на процесс принятия политических решений. Пока среди историков нет единого мнения на этот счет, можно лишь утверждать, что многие слухи, в которые верили современники «старца», явно преувеличивали его влияние и его возможности. Исследователи должны отделять слухи от того, что было в действительности, реконструируя его реальные возможности воздействовать на политику, следует отделять слухи от того, «что было на самом деле».

Вместе с тем слухи о Распутине должны стать и объектом самостоятельного изучения, ибо в некоторых ситуациях слухи не только служат индикатором кризиса, но влияют на формирование политической реальности. «Простая» задача выяснения того, «что было на самом деле», требует и исследования слухов, даже самых невероятных: «на самом деле» они оказывали воздействие не меньшее, чем трезвые аналитические оценки происходящего. Слухи, передаваемые высокопоставленными чиновниками и придворными, дипломатами и офицерами генерального штаба, представителями спецслужб и родственниками императора – все эти разнообразные слухи, исходящие из «авторитетных» источников информации, нередко воспринимались современниками как экспертные оценки, влияя подчас на процесс принятия политических решений. Слухи, которые распространял сам Распутин, также были частью его тактики, но в их распространении были заинтересованы и противники «старца». На ход истории могли влиять и те различные слухи, достоверные и недостоверные, если в них верили значительные массы людей. Члены императорской семьи учитывали распространенность самых невероятных слухов и старались не давать повода для новых волн злословия. В январе 1916 года, например, императрица Александра Федоровна писала царю: «Мне бы хотелось повидаться с нашим Другом, но я никогда не приглашаю Его к нам в твое отсутствие, так как люди очень злоязычны. Теперь уверяют, будто он получил назначение в Федоровский собор, что связано с обязанностью зажигать все лампы во всех комнатах дворца! Понятно, что это значит, но это так идиотски-глупо, что разумный человек может лишь расхохотаться. Так отно-

шусь к этой сплетне и я»¹. Можно привести и другие примеры того, как Александра Федоровна фиксировала различные слухи, которые касались ее и Распутина.

Неудивительно, что слухи часто упоминались в авторитетных исследованиях, посвященных политической истории начала XX века – без рассмотрения этого канала общественной коммуникации, значение которого возрастает в эпохи социально-политических кризисов, невозможно понять многие аспекты борьбы за власть².

В своей интересной книге В.Б. Аксенов рассмотрел различные слухи эпохи Первой мировой войны, уделил он внимание и слухам о Распутине³. Автор составляет даже список появления «наиболее резонансных» тревожных слухов, циркулировавших во время Первой мировой войны в Петрограде и Москве. Не позже декабря 1914 года, например, появляются слухи о том, что Распутин – немецкий шпион (в то же время встречаются и обвинения в шпионаже, адресованные императрице Александре Федоровне). В апреле 1915 года большое распространение получили слухи об оргиях Распутина. В феврале 1916 года были зафиксированы разговоры о том, что Распутин является Антихристом. В декабре же этого года, уже после смерти Распутина, появились слухи о том, что «старец» остался жив. В январе 1917 года говорили о том, что правительство якобы советуется с духом Распутина⁴.

Подобный список слухов является, разумеется, неполным. Сам В.Б. Аксенов в другом месте указывает, что фактическому убийству Распутина предшествовали слухи о якобы имевших место успешных покушениях на жизнь «старца»: «... как будто в соответствии с теорией “самоисполняющегося пророчества” слухи об убийстве Распутина предшествовали самому акту, они распространялись по Петрограду в начале декабря 1916 года (правда тогда предсказывали также убийство А. Вырубовой и императрицы)»⁵.

---

¹ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II and the Empress Alexandra (April 1914 – March 1917) / Ed. by Joseph T. Fuhrmann. Westport (Conn.); London, 1999. P. 353.

² Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914 – 1917). Л., 1967. С. 99, 112, 115, 116, 168, 230 - 231, 239, 252, 285, 292, 298, 299, 303, 307, 321, 322, 342, 345.

³ В.Б. Аксенов продолжает изучение некоторых вопросов, поставленных в моей книге: Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

⁴ Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914 – 1918). М., 2020. С. 408 – 410.

⁵ Там же. С. 401 – 402. Неподтвержденные слухи об убийстве Распутина зафиксировал в своих воспоминаниях председатель Государственной думы М.В. Родзянко (Родзянко М.В. Крушение империи. Февральская 1917 года революция. М., 2002. С. 158). В марте 1916 года в своем дневнике о них писал и С.П. Мельгунов (Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. М., 2003. С. 276).

Можно привести и другие слухи. Не позже октября 1914 года цензоры, просматривавшие частную почтовую корреспонденцию, фиксировали сообщения о том, что Распутин якобы готовит сепаратный мир¹. Затем слухи о том, что Распутин, «пользовавшийся всегда покровительством немецкой партии», ведет пропаганду в пользу мира с Германией, проникли и в подцензурную печать, открыто обсуждались².

В июле же 1915 года автор письма, направленного в редакцию газеты «Русские ведомости», напротив, требовал скорейшего заключения мира и называл Распутина как одного из главных виновников войны с Германией³.

О том политическом весе, которым якобы обладал старец, свидетельствует и появление словосочетания «распутинская партия», его, например, использовал в письме нежинский священник Борков, а его адресатом был епископ Никодим⁴. Протоиерей же С. Городцов писал в декабре 1915 года в Киев митрополиту Владимиру о «распутинцах», которые «берут верх»⁵. О том же в октябре 1916 года протоиерей И. Восторгов писал архиепископу Антонию: «Теперь, когда окончательно воцарились и бесстыдствуют распутинцы, мне приходится от них плохо, меня жмут и ходу не дают»⁶. Показательно, что о каких-то организованных сообществах, в центре которых якобы находится «старец», писали в церковных кругах: «антираспутинские» настроения в этой среде имели особое значение, влияние Распутина переживалось ими особо.

Некоторые правые деятели писали даже о закулисном правительстве Распутина. Так, в мае 1916 года Н. Тихменев писал Н. Родзевичу: «В административных сферах Петрограда хаос невообразимейший. Одновременно “работают” три правительства: 1. правительство старца (более сильное, чем другие). 2. правительство организованного кадетства и 3. официальное правительство. Машины этих трех правительств составлены вплотную, так что колеса машин местами сцепились и вертятся вместе, а местами хлещут друг друга по зубьям, летят осколки, шум треск, и выскакивают из машин фабrikаты чрезвычайно уродливой, безобразной и неожиданной формы»⁷.

Соответственно, дальнейшее изучение слухов представляет немалый интерес. Наряду с созданием максимально полного списка слухов о Распутине важно также изучить географию и хронологию их распространения.

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1631.

² Дневник б. Великого князя Андрея Владимировича. 1915 год. Л.; М., 1925. С. 74.

³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1026. Л. 407.

⁴ Там же. Д. 1034. Л. 1618.

⁵ Там же. Д. 1041. Л. 2368.

⁶ Там же. Д. 1057. Л. 769. Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914 – 1917 годах / публ. Ю.И. Кирьянова // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 127.

⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1054. Л. 105.

Важно также проследить каналы распространения слухов, объяснить их наличие или отсутствие в разных видах источников.

Так, например, Распутин нередко появляется в личных дневниках и письмах и образованных современников. Благодаря перлюстрации писем историки многое знают о настроениях этой среды, об общественном споре и на антираспутинские и антидинастические слухи, и на их визуализацию. В.Б. Аксенов справедливо пишет о том, что накануне революции распространялась дешевая лубочная продукция, иллюстрировавшая слухи об интимных отношениях Александры Федоровны и Распутина. Термин «политическая порнография», давно уже употреблявшийся применительно к истории Французской революции, вполне описывает и ситуацию революции российской, хотя российские образцы «непристойных» политических изображений были невинными по сравнению с французскими гравюрами XVIII века. И до 1917 года «политическая порнография» ходила в виде дешевых литературных произведений и сфабрикованных «документальных публикаций», открыток и фальшивых фотографий, на которой якобы изображались обнаженные члены императорской семьи в компании старца. Подпольный и полуполюгальный спрос рынок, на котором продавались соответствующие тексты и изображения отражал некий общественный спрос и в то же время формировал его. В.Б. Аксенов в своей книге цитирует написанное в декабре 1916 года письмо некоего петроградского студента своему московскому товарищу: «По Петрограду ходит очень много стишков, карикатур и т.п. изображений нашей милой действительности, в большинстве случаев порнографического характера»¹.

В.Б. Аксенов утверждает, что в распространенных слухах влияние Распутина на внутреннюю политику было преувеличено, причем это было присуще образованным слоям российского общества. В то же время в крестьянской среде, если опираться на изучение государственных преступлений, возбужденных на основании 103-й статье Уголовного уложения (оскорбление членов царской семьи), о Распутине практически не говорили².

Действительно, если верить уголовной статистике, то это преступление было по преимуществу «крестьянским» преступлением: за оскорбление императорской семьи привлекались чаще всего русские крестьяне. В выявленных же пока делах этого рода вдовствующая императрица Мария Федоровна упоминалась чаще, чем супруга правящего императора Александра Федоровна. На этом основании В.Б. Аксенов делает вывод о том, что в городах ходили слухи о предательстве императрицы Александры Федоровны, в деревнях же предательницей считали вдовствующую императрицу Марию Федоровну³.

¹ Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. С. 395.

² Там же. С. 235, 870.

³ Там же. С. 452, 619.

«Старец» в делах по оскорблению членов императорской семьи действительно встречается крайне редко. Пока мне удалось выявить только один такой случай, он не связан с именем императрицы Александры Федоровны и не относился к крестьянской среде. 26 марта 1916 года И.А. Мартемьянов, 44-летний казак Астраханского казачьего войска, волостной писарь, окончивший два класса реального училища, заявил: «Наш Государь не может править государством, так как он ни к чему неспособен, глуп и совершенный дурак, и должен был бы отказаться от престола, тогда бы скорее окончилась война». От оскорбления императора казак перешел к оскорблению его матери: «Старая Государыня Мария Федоровна держит при дворе для себя Распутина, так как у него большой член; ей не нужна война, а нужен большой член»¹. Но это и единственный известный нам текст, который как-то связывает имена вдовствующей императрицы и старца.

Казалось бы, эти факты подтверждают предположения В.Б. Аксенова: Марию Федоровну чаще оскорбляли в сельской местности, что подтверждается числом известных нам дел по оскорблению императорской семьи, а Александру Федоровну (и Распутина) – преимущественно в городах, об этом свидетельствуют материалы перлюстрации писем. Но этому может быть и иное объяснение².

Для инициирования расследования какого-либо преступления требуются следующие действия: необходим донос – какому-то представителю власти (полицейский, урядник, стражник), ему должна поступить информация о нарушении закона, и нужна реакция этого представителя власти и его начальства, которые регистрируют или не регистрируют донос, дают или не дают ему ход, иницируют расследование или кладут дело под сукно. Было немало причин, которые могли затормозить изучение обстоятельств преступления, а то и вовсе игнорировать его. Так, например, циркуляры и разъяснения полицейских и судебных властей могли влиять на действия стражей порядка на местах.

Наличие же дел по оскорблению членов императорской семьи может иногда свидетельствовать, не о распространении антимонархических (антидинастических) представлений, а наоборот, о большей лояльности по отношению к царской семье в какой-либо этнической, религиозной, социальной среде: люди особенно остро реагировали на оскорбление «держав-

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1035. Л. 2 об.

² Некоторые образованные современники напротив считали, что крестьяне живо обсуждают «старца». Одна дама, работавшая в царскосельском лазарете, 10 ноября 1915 года записала в своем дневнике: «Вернулась Курсис, говорит о впечатлениях провинции. Ненависть, ушаты грязи на бедную семью, уверяет, что каждая глухая деревня знает о Распутине: “Пусть бы сама жила, а зачем дочек развращает?” Господи, какой ужас! (Чеботарева В. В дворцовом лазарете в Царском Селе // Новый журнал. 1990. Кн. 181. С. 203).

ного вождя» и его родных, поэтому они чаще и реагировали на преступления такого рода, чаще информировали власти о подобном преступлении.

Статистика преступности объясняется и местными, групповыми традициями доноительства. Весьма велика вероятность того, что российские крестьяне не чаще оскорбляли императора и его родственников, а чаще доносили за совершение именно этого вида преступления. В этом случае обилие такого рода уголовных дел может свидетельствовать не о падении авторитета монархии и монархии, а об оскорбленном монархическом чувстве, или имитации его – в случае ложных доносов. Во всяком случае, увеличение числа уголовных дел в связи с оскорблением императора и его родственников никак не может свидетельствовать о нарастании антимонархических или антидинастических настроений. Нам, например, не удалось пока обнаружить каких-либо случаев оскорбления членов императорской семьи азербайджанцами, но это вряд ли может служить доказательством того, что они более почитали российского императора, чем крестьяне русские. Вернее было бы предположить, что в этой среде не существовало традиции доноительства российским властям, по крайней мере в связи с подобным преступлением. Во всяком случае историк должен делать серьезную поправку на недоноительство.

Подобное предположение основывается и на некоторых делах по оскорблению членов императорской семьи. В июле 1916 года некий неграмотный крестьянин заявил: «У нашего государя правды нет». Один из его собеседников выразил свое возмущение этими словами, и отправился сообщать о совершенном преступлении уряднику. Удивленный оскорбителем отметил ассиметричную реакцию монархиста, заступившегося за оскорбленного императора: «Я слыхал, как другие называют Государыню ..., и то на них не делают заявлений»¹.

Можно поэтому предположить, что даже весьма грубые оскорбления императрицы не провоцировали новые доносы властям: они не воспринимались как преступление, требующее кары и / или воспринимались как правдивая информация. Это может объяснить и малое количество дел, заведенных за оскорбление императрицы Александры Федоровны, и почти полное отсутствие упоминаний Распутина в делах по оскорблению членов царской семьи: слухи о царице могли и не восприниматься как клевета, о них не сообщали властям.

В этой связи нельзя не вспомнить и зафиксированный в ноябре 1915 года известный анекдот о преступлении, которое якобы разбиралось в Московском окружном суде: «Серый мужиченка привлекается за оскорбление величества. Вызвали свидетеля обвинения, тоже серого мужика. Председатель спрашивает его: “Скажите, свидетель, вы сами слышали, как обвиняемый позволял себе оскорблять словом имя его императорского ве-

---

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 500.

личества?” – “Да как же, вашеество. И что только нес-то! Я и то уж ему говорю: ‘Ты все его, дурака, ругаешь, а лучше бы ее, стерву этакую’ ”»¹.

Наивный свидетель, искренне сочувствующий императору, совершает двойное преступление прямо в зале суда, не осознавая этого. Но показательно, что если оскорбление императора он признает преступлением, заслуживающим наказания, то грубые слова в адрес царицы не вызывали бы у него отрицательного отклика. Интересно, что М.К. Лемке, зафиксировавший этот анекдот, считал эпизод реальным, имевшим место в действительности, и связывал его со слухами о Распутине.

Представляется, что распространение антираспутинских и антидинастических слухов в разных слоях населения требует новых исследований, новых поисков источников. При этом историки должны учитывать различные обстоятельства создания этих источников, делая поправку на обстоятельства, в которых могли действовать преступники и доносители, полицейские власти и цензоры, изучавшие переписку современников.

Жуков К.С.

Голос с того света. Григорий Распутин в поэзии его современников

Среди фигур, которые наиболее ярко характеризуют предреволюционную эпоху, Григорий Распутин является одной из главных. Кто бы ни взялся описывать Россию накануне революции, неизбежно обращается к этому человеку и к истории его смерти. Но при этом непредвзятое, объективное исследование жизни и личности Распутина показывает, что тот стереотипный его образ, который уже много десятилетий существует в массовом сознании не только в России, но и во всем мире, практически не имеет сходства с реальным Григорием Ефимовичем Распутиным-Новых. Этот образ, нарисованный самыми мрачными красками, являющийся словно бы средоточием всего зла, которое только существует в России, в основном был слеплен политиками предреволюционного времени, использовавшими его как жупел в борьбе за влияние и власть. Но окончательное его оформление относится уже ко времени после гибели самого старца и произошедшей вскоре Февральской революции. Немалую роль в этом оформлении сыграла художественная литература, и в частности поэзия.

Первыми опубликованными стихотворными произведениями, героем которых стал Распутин, были выпускавшиеся дешевыми брошюрками небольшие поэмки агитационного характера. Типичные примеры – сочинение поэта-сатирика Родиона Менделевича «Голос с того света, или Гришка Распутин в гостях у Сатаны» и написанный в балаганной стилистике

---

¹ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке, 1914 – 1915. Минск, 2003. Т. 1. С. 343.

«Свободный раек. О том, как жил и царствовал Николай Романов, набиватель своих карманов и о жене его Сашке, которая расшивала Распутину рубашки», автора, обозначившего себя псевдонимом Закхей Мудрый. В этих революционно-бульварных опусах Распутин представлен в карикатурном виде – пройдоха, жулик, развратник, пьяница, конокрад, втершийся в доверие к безвольному и глупому царю и вершивший под его покровительством свои темные дела. Об убийцах Распутина в этих виршах упоминается вскользь, но подразумевается, что они, скосившие «зловредный гриб» и бросившие его в прорубь «как смердящего пса», совершили благое дело.

Одновременно с такой примитивной стихотворной продукцией появляются и произведения подлинно высокой поэзии, прямо или косвенно посвященные Распутину. Наиболее значительным из них является стихотворение Николая Гумилева «Мужик», написанное во второй половине марта или в апреле 1917 года¹, и включенное автором в сборник «Костер» (1918 год).

Впрочем, имя Распутина в этом стихотворении ни разу не упоминается. Созданный в нем образ, хотя и не лишен конкретных черт, позволяющих безошибочно узнать его прототип, все-таки максимально обобщен. Это не образ отдельного человека, это образ социальной стихии, воплощением которой автор считает Распутина. Не случайно стихотворение «Мужик» соседствовало в гумилевском сборнике «Костер» со стихотворением «Рабочий», в котором дано столь же обобщенное изображение другой, так сказать, смежной социальной силы².

Нельзя согласиться с мнением Александра Эткинда, обнаруживающего в стихотворении «Мужик» «восторженную эпитафию Распутину» и утверждающего, что «Гумилев очарован Распутиным и революцией, стихи говорят о Распутине, как революционере, и о революции, как его посмертной победе»³. Поэт, несомненно, считает Распутина предтечей революционного взрыва, но он никакого восторга от революции не испытывает. Наоборот, он воспринимает ее как выплеск хаоса, способного уничтожить рационально устроенный цивилизованный мир.

Стихотворение «Мужик», безусловно, сделано мастерски, это очень сильное в художественном отношении произведение. Но при этом трактовка образа Распутина в нем не отличается оригинальностью. Распутин для Гумилева – воплощение темных, стихийных, разрушительных сил, исходящих из народных глубин. Такая трактовка напрашивалась, витала в воздухе. И именно она стала характерной для всех крупных русских поэтов

---

¹ Лукницкая В.К. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990. С. 200. Встречающееся в отдельных изданиях указание на то, что стихотворение было написано в 1916 году, является ошибочным.

² Гумилев Н.С. Костер. Пг., 1918. С. 20 – 23.

³ Эткинд А.М. Хлыст. Секты, литература и революция. М., 1998. С. 620, 621.

первой половины XX века, обращавшихся в своих стихах к фигуре Распутина.

Так, к примеру, у Анны Ахматовой в отрывках из незавершенной поэмы о Царском Селе «Русский Трианон» есть строки: «И Гришка сам, распутник, горе, горе, / Служил обедню в Федровском соборе». Рифма «горе – соборе» – та же, что и у Гумилева («Как не погнулись, о, горе, / Как не покинули мест, / Крест на Казанском соборе / И на Исакии крест»), и это, несомненно указывает на первоисточник этого образа у Ахматовой.

Впрочем, имя Распутина в ее стихах больше не встречается. Зато у другого перворазрядного поэта той эпохи, Николая Клюева, оно присутствует неоднократно. Это не случайно: Клюев, как и многие его современники, из собственной жизни стремился создать произведение искусства. Себя он представлял раскольником, сектантом (хотя ни тем, ни другим не был), человеком, обладающим тайными знаниями и умениями, способным ворожить, исцелять не только тело, но и душу, владеющим некой мистической силой, идущей из тайных глубин народной жизни. Короче говоря, свой «автопортрет» Клюев писал теми же красками, что и Распутин. По Петербургу ходил слух, что Клюев заменит Распутина в кругу царской семьи¹.

Стихотворение «Меня Распутиным назвали...», написанное не позднее начала октября 1917 года², завершается словами: «... миллионы чарых Гришек / За мной в поэзию идут». Это словно бы парафраз последних строк гумилевского «Мужика»: «В диком краю и убогом / Много таких мужиков. / Слышен по вашим дорогам / Радостный гул их шагов». Оба поэта воспринимают Распутина как предшественника грандиозного крестьянского возмущения, но Клюев, в отличие от главы акмеизма, видит в этом возмущении не разрушительную, а созидательную силу. Революция несет обновление культуры, замену ее творчеством народных масс.

Октябрьская революция, которую Клюев решительно принял, заставила его поменять свое отношение к Распутину. Уже в 1918 году в большевистской «Красной газете» было напечатано его стихотворение «Жильцы гробов, проснитесь!», в котором «чумазый Распутин» назван в числе тех отвратительных явлений ушедшего прошлого, о возвращении которых молятся по соборам монахи и священники. И здесь Распутин это уже вовсе не предтеча революции, а, наоборот, часть того мира, который революция сокрушила.

И в дальнейшем эти два варианта восприятия Распутина попеременно возникают в творчестве Клюева. Так, в стихотворении «Четвертый Рим» автор вновь отождествляет себя с Распутиным, как с демоном-пророком,

¹ См., напр.: Найман А.Г. Рассказы об Анне Ахматовой. М., 1989. С. 16.

² Датируется на основании анализа рукописи, хранящейся в ИРЛИ (см. комментарий С.И. Субботина и И.А. Костина в кн.: Клюев Н.А. Песнослов. Петрозаводск, 1990. С. 234).

предрекавшим гибель романовского дома, а в неоконченной поэме «Песнь о Великой Матери» Распутин представлен дьявольским отродьем, предводителем адского воинства, чертей, нетопырей...

В чеканных строках поэмы «Россия» Максимилиана Волошина мы вновь обнаруживаем уже знакомый нам мифологический образ одержимого бесами мужика, который явился из каких-то потаенных глубин, чтобы сокрушить ослабевшую и неспособную защищаться монархию.

Таким образом, в творчестве крупнейших поэтов Серебряного века оформился и приобрел особую глубину миф о Распутине, как об исчадьи ада, дьявольском посланце, почти Антихристе. Тем интереснее обратиться к поэтическим произведениям, авторы которых воспринимали Распутина в совсем ином ключе.

Одним из таких авторов является Леонид Каннегисер, более известный не как поэт, а как террорист, застреливший руководителя Петроградской ЧК Моисея Урицкого. Под стихотворением, называемым по первой строчке «...подо льдом, подо льдом», была поставлена дата «19 декабря 1916 г.»¹ – день, когда был обнаружен труп Распутина. Стало быть, мы имеем дело с непосредственным поэтическим откликом на жестокое убийство. Шестнадцать строк наполнены острым сочувствием старцу. Мысленным взором поэт проникает под лед, куда было спущено тело жертвы великосветских преступников, и словно бы собственной кожей ощущает обжигающий холод невской воды.

Показательно, что Гумилев в стихотворении «Мужик» ту среду, из которой вышел Распутин, воспринимает как ядовитую, зловредную: «Сыростью пахнет и гадом / Возле мелеющих рек». У Каннегисера же все наоборот: «И никто не пустит в ледяную тюрьму / Хоть струйку сибирского родного воздуха». Стихотворение Леонида Каннегисера отчетливо противостоит тому стереотипу в изображении Распутина, который вскоре сложится в русской поэзии.

Еще в большей степени это относится к стихотворению поэта-акмеиста Михаила Зенкевича «Водосвятье Распутина». Обозначенное автором время создания этого произведения – 1916 – 1922 годы – подчеркивает, что работа над ним началась сразу же после гибели его героя. При этом последующие события (убийство царской семьи) также нашли в нем отражение. Опубликовано «Водосвятье Распутина» было впервые лишь в 1994 году, через много лет после смерти автора².

Стихотворение сложно по форме – рваный, переменчивый размер, нерегулярная рифмовка. Не менее сложна и внутренняя его структура: ассоциативно наслаиваются друг на друга образы, мотивы, разновременные

¹ Леонид Каннегисер. Статьи Г. Адамовича, М. Алданова, Г. Иванова. Из посмертных стихов Л. Каннегисера. Париж, 1928. С. 78.

² Зенкевич М.А. Сказочная эра. М., 1994. С. 175 – 176.

события; реалии переплетаются с мифологическими и культурными аллюзиями.

Центральным является мотив водосвятия – церковного обряда, проводимого во время одного из главных православных праздников – Крещения Господня или, иначе, Богоявления. В этот день в русских деревнях было принято окунаться в прорубь. Сокрытие трупа Распутина в полынье на Малой Невке метафорически представлено Зенкевичем как купание в крещенской проруби. Возникает также ассоциация с известным событием, произошедшим во время водосвятия на Неве с участием царской семьи 6 января 1905 года, за три дня до Кровавого воскресения: «Авось им припомнится водосвятъе: / Как петропавловские верки шлют / Чрез иконы и хоругви – январское проклятье – / Картечью по Зимнему Дворцу салют...». Тогда во время артиллерийского салюта, дававшегося со стрелки Васильевского острова и с Петропавловской крепости, одно из орудий по ошибке было заряжено не холостым, а боевым картечным зарядом. Выстрел пришелся прямо по тому месту, где происходила церемония. Картечью был убит стоявший в оцеплении городской по фамилии Романов, а также легко ранен кадет, державший хоругвь в непосредственной близости от императора. Это событие было воспринято как страшное предзнаменование. Таким же страшным предзнаменованием оказывается и убийство Распутина.

Еще одна важнейшая аллюзия заключается в строках: «Вот и майна, крещенская прорубь, / Купель серебряная с живой водой, / И в черном небе пламенный голубь, / Голубем реет дух святой». Эти стихи отсылают к евангельскому событию, которому, собственно, и посвящен праздник Богоявления – принятию Иисусом крещения от Иоанна Предтечи в воде реки Иордан. В момент крещения над Иисусом появился голубь. «Отверзлось небо, и Дух Святой нисшел на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголющий: Ты Сын Мой Возлюбленный; в Тебе Мое благоволение!» (Лк. 3:21 – 22). Распутин таким образом уподобляется Христу, а вода с его оттаявшего в мертвецкой тела становится святой водой, подобной той, которую он прежде передавал как целительное средство для царевича Алексея: «С тела оттаявшего водицей / Святою крещенскою окропи / Наследника, чтоб ему исцелиться <...>».

Второй важнейший мотив в стихотворении Зенкевича – мотив, связанный с автомобилем, в котором труп Распутина был доставлен из Юсуповского дворца к месту, где его сбросили в реку. Начало стихотворения описывает часть пути, проделанного убийцами в ту роковую ночь — упомянуты Тучков мост и Тучков буян, парк на Петровском острове. Сам же автомобиль назван призрачным и дьявольским, соскочившим «точно с экрана из кинодрамы». Образ призрачного автомобиля уже был известен поэзии начала XX века. Так, у Блока в «Шагах Командора» смерть прибывает к Дон Жуану на «черном, тихом как сова» моторе. У Зенкевича же этот образ мог также заключать в себе и ассоциацию с «черным автомобилем», о

котором в первые недели после Февральской революции много говорили в Петрограде: с незажженными фарами он якобы носился по ночным улицам города, и из него велась стрельба по прохожим. Но в последних строках стихотворения этот автомобиль превращается в тот самый, в котором везли на смерть императора и его близких: «Выскочит, точно из кинодрамы / Призрачный дьявольский автомобиль, / И грудой кровавой поедет в нем / Вся царская семья креститься огнем».

Итак, образ Распутина в мистериальном стихотворении Михаила Зенкевича по своему смыслу прямо противоположен тому, который был создан Гумилевым, Клюевым, Волошиным и другими поэтами Серебряного века: не Распутин, а его убийцы представлены тут гибельной inferнальной силой, а сам старец — невинной жертвой, каковой он и был в реальности.

Обнаруживаемый в стихах Каннегисера и Зенкевича взгляд на убийство Распутина, как на жестокое, ничем не оправдываемое преступление против незащитного человека, не имел продолжения в русской поэзии. Пожалуй, лишь в стихотворении Дмитрия Кедрина «Распутин» (1935 год) можно найти его отголоски (кстати, Кедрин, поэт следующего поколения, был дружен с Михаилом Зенкевичем). Распространение, и не только в поэзии, но и в прозе, в кино и т. д., получил образ Распутина, не имеющий ничего общего с реальностью, но хорошо укладывающийся в общую мифологизированную картину русской революции.

Тульчинский Г.Л.
**Григорий Распутин в динамике наррации исторической
памяти***

Историческая память – феномен и социальный институт, не совпадающий с историей как наукой. История и историческая память – одинаково нарративные по своей природе – оказывают влияние друг на друга в общем процессе развития социума, в неизбежной динамике социально-культурных оценок. В этом процессе происходит отбор ключевых событий и личностей, оценки их роли и значения – как непосредственно в прошлом, так и для последующего хода развития общества.

Исследования¹ показывают наличие, как минимум, трех уровней и соответственно – временных лагов этой динамики осмысления и переосмыс-

---

* Работа выполнена в рамках исследования «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» при поддержке гранта РФФИ № 18-18-00442 в БФУ им. И. Канта.

¹ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014; Тульчинский Г.Л. Наррация в символической политике: Уровни и диахрония // Символическая политика. М., 2016. Вып. 4. С. 65 – 83.

ления. Первый, наиболее динамичный уровень с лагом до 3 – 5 лет реализуется в медийной среде, текущей внешней и внутренней политике, сфере культуры и искусств, индустрии развлечений, реагирующих на актуальные вызовы и конъюнктуры, с которыми сталкивается социум. Второй уровень с лагом до 10 – 15 лет реализуется в системе образования и гуманитарных науках (ученые открывают новые факты и обстоятельства, которые нуждаются в обсуждении, введении в научный оборот, уточняются и образовательные программы, содержание учебников). Третий, наиболее устойчивый уровень с лагом не менее двух поколений определяется семейным воспитанием, кругом обыденного опыта и общения.

В результате такого «просеивания» исторической фактологии оформляется относительно устойчивое «легендирование» истории, специфичное для конкретного социума, нации, выстраивающее определенную смысловую картину мира, в контексте которой формируется социально-культурная идентичность. Важно понимать, что этот процесс непрерывной наррации, наслоения и соотнесения различных интерпретаций и толкований способен существенно трансформировать представления о героях и жертвах, предметах гордости, скорби и забвения. Фигуры А. Невского (в иконописи воющего с татарами), Петра I (образ которого с периодичностью в столетие трансформируется в общественном мнении от великого реформатора к Антихристу и обратно – в зависимости от состояния и перспектив развития российского общества¹ – типичные в этом плане примеры.

Ярким примером того же ряда – как общественное мнение формирует образы исторических персонажей по принципу «если нельзя, но очень хочется, то можно» является и император Николай II, вступивший на трон в период, когда страна стала пожинать плоды Великой реформы 1861 года, сказавшиеся в интенсивном экономическом росте, расцвете культуры Серебряного века. Однако, начавшееся Ходынской трагедией, продолжившееся втягиванием страны в плохо подготовленную Русско-Японскую войну, рядом недалевидных решений, чехардой и шараханиями в правительстве, форсированным вступлением в Европейскую войну, завершилось правление отречением и великой трагедией – как страны, так и лично императора. Николай Александрович оказался правителем не просто неудачным, но и надолго отвергнутым общественным мнением. Не случайно Синодальная Комиссия РПЦ по канонизации святых по итогам трехлетних обсуждений (жизненный путь императора не вписывался в кенозис) постановила, что сама по себе деятельность Императора Николая II не дает достаточных оснований как для его канонизации, так и для канонизации членов его семьи. Решение о канонизации было принято на основании рас-

---

¹ Тульчинский Г.Л. Петр I в постсоветской символической политике // Образ Петра Великого в мировой культуре. СПб., 2020. С. 573 – 583.

смотрения последних дней бывшей царской семьи и отношения Церкви к страстотерпчеству¹.

Показательна в этом плане трансформация осмысления фигуры Г. Распутина, сыгравшего немалую, если не ключевую роль в отношении современного общества к Императору, его ближнему окружению и Двору в целом. Свидетельства современников, воспоминания очевидцев, включая материалы комиссии Временного правительства, в которой работал А. Блок, рисуют неоднозначный образ Г. Распутина, как фигуры, ярко характеризующей высшую политическую элиту России начала XX столетия.

Как уже выше отмечалось, страна вступила в активную фазу модернизации, формирования буржуазного общества, для которого характерен запрос на новую легитимность государственной власти. Индустриализация, урбанизация, формирование буржуазного общества, как свидетельствует весь мировой исторический опыт, сопровождается формированием национального самосознания и национальной идентичности.

Нации – феномен модерна. Формирование фабричного производства, развитие городов, стягивание в них представителей различных этносов порождают запрос на единый государственный язык, стандартное образование. К процессу активно подключаются исследования гуманитариев, индустрии развлечений (театральная жизнь, концертная деятельность, изобразительные искусства, позже – кино). Активно формируется наррация исторической памяти первого уровня, создающая содержание гражданского национального самосознания. В подавляющем большинстве языков слово гражданин восходит к слову «горожанин» (*bourgeois*, *Bürger*, *citizen*, *ciŧoyen*, *mieszczanin*).

Не являлась исключением и Россия. События 1905 года, Октябрьский манифест, последовавшая активизация политических сил общества – свидетельства первой фазы буржуазной революции в России, которая обусловила и волну национализма – во многом стихийную, неоднозначную иногда по форме, плохо осознаваемую как интеллектуалами, так и властной элитой. Первая волна национализма пришлась на русско-японскую войну. А вступление страны в Мировую войну сопровождалось всплеском массового национального энтузиазма и патриотизма. И социальной базой этого национализма выступал именно городская часть населения России.

В этом переформатировании общественного сознания императорский двор (да и сама династия) нуждались в символическом капитале, культурных практиках, подтверждающих его связь с «глубинным народом». На этом запросе и возникла фигура Г. Распутина. В определенном плане он

---

¹ Доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, председателя Синодальной комиссии по канонизации святых Архиерейскому Собору // Русская православная церковь. 2008. 9 июня. [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/422558>

предстал символом заигравшегося в народность двора, на фоне волны национализма, понятого двором примордиалистски.

При этом другая часть политической и культурной элиты, связанная с новыми политическими силами («реальные буржуа»), видела в Г. Распутине демонического персонажа, влиятельного фаворита, вмешивающегося в принятие ключевых решений, приводящих к катастрофическим последствиям, следствием чего и стало убийство Г. Распутина.

Понимание этого контекста объясняет многие обстоятельства, вызывающие вопросы у историков, занимающихся феноменом Г. Распутина и отношением к нему и его роли со стороны современников.

Чрезвычайно показательной и полезной в этом плане стала дискуссия, развернувшаяся на конференции «Роковой старец и крах императорской России: Григорий Распутин в оценках современников и потомков», состоявшейся в рамках «Герценовских чтений» 24 октября 2020 г. в Санкт-Петербурге.

Так, Б.И. Колоницкий в выступлении на этой конференции обратил внимание на то, в левой прессе и левых кругах в период до Февраля 1917 года Г. Распутину уделялось на порядок меньшее внимание, чем в либеральных – кадеты, октябристы соревновались в жесткой сатире и гротеске, прямых инвективах, переходящих со «старца» на царскую семью и лично императора. Для эсеров, социал-демократов Распутин в ту пору ньюсмейкером не являлся. Показательна и динамика представленности Распутина в прессе в период после Февральской революции. В период с февраля по октябрь 1917 г. он еще активно представлен при упоминаниях павшей династии, в объяснении порожденных ею бед. Однако с падением (буржуазного) Временного правительства интерес к Распутину испаряется.

Д.А. Коцюбинским ярко и достаточно полно был представлен расклад политической борьбы социальных сил и групп российского общества за императора как политический ресурс развития российского общества, в глазах которых царь предстал «не настоящим», «пустым местом», игрушкой в руках некоего темного проходимца.

Отвергала «распутинщину» и большая часть творческой интеллигенции. В этом плане показательна представленная К.С. Жуковым герменевтика темы Распутина в русской поэзии второго предреволюционного и раннего советского периода. В «Мужике» Н. Гумилева, в строках А. Ахматовой сквозит резкое неприятие Распутина и связанных с ним придворных нравов. Н. Клюев, строивший и продвигавший свой образ крестьянского поэта в 1917 году и склонный в это время подчеркивать некоторую сопричастность «народной» распутинской стихии, в последующие года избегал таких сопоставлений.

Другой акмеист – М. Зенкевич, также один из создателей «Цеха поэтов», неспроста датирует свое стихотворение «Водосвятие Распутина» 1916 – 1922 годами – в нем убийство «старца» предстает мистической тра-

гедией торжества темных сил. В его «беллетристических мемуарах» – романе «Мужицкий сфинкс» (начал писаться в 1921 – 1922 годах, впервые опубликован в 1991 г.¹) Пуришкевич и доктор Лазоверт представлены «вечными убийцами Распутина», а сам Распутин в качестве одного из главных героев романа все пытается растолковать «ученым людям» свою «чалдонскую», «мужицкую» правду о «хлебце», «мучке», «войне» и «революции» – и спасти тем самым императорскую чету и всю страну: «Я один ее, революцию-то, наскрозь вижу. Нешто дал бы я Миколаю с Ерманией воевать, кабы меня сумасшедша баба ножиком не пырнула. А кабы они не кинули меня с мосту в пролубь, нешто допустил бы я революцию?».

В этих художественных артефактах, в деталях выраженного в них отношения к Распутину, кроется принципиально важная суть трагедии, пережитой Россией в результате катастрофических последствий I мировой войны. С падением дискредитированного царского режима, ускоренного самоотречением Николая II, у власти оказалась молодая, еще неокрепшая российская буржуазия, бездарно продолжившая крайне непопулярную военную кампанию. В результате череды просчетов, совершенных разными составами Временного правительства, власть в России оказалась валяющейся на земле – взять ее мог любой.

Что до большевиков, то Распутин не был героем или антигероем их «романа». Позиционируя себя как партию интернационалистов, они желали царскому правительству поражения в империалистической войне, рассматривая европейских социал-демократов, проголосовавших за военные бюджеты своих стран, как предателей общего дела. Поражение в войне делало в глазах большевиков Россию наиболее слабым звеном мирового империализма, бикфордовым шнуром, с помощью которого можно разжечь пожар мировой революции. И большевики многое сделали для этого.

Под лозунгами окончания войны и раздачи земли заждавшимся «черного передела» крестьянам большевики фактически возглавили крестьянскую революцию. Из модернизации страна рухнула в архаику². Но зато сельская беднота на весь период Гражданской войны стала союзником большевиков. Это потом, поняв, что Мировая революция не получилась, они, оказавшись при власти во вражеском окружении, были вынуждены запускать НЭП, возродивший городскую буржуазию мелкобуржуазную стихию на селе. И после выборов 1925 года, показавших, что следующие выборы могут стать концом их власти, сталинский режим запустил «Великий перелом», программу коллективизации, а затем – индустриализации,

---

¹ Зенкевич М. Сказочная Эра. Авторский сборник. М., 1994.

² Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.; Берлин, 2019; Тульчинский Г.Л. Политическая культура России: источники, уроки, перспективы. СПб., 2018.

надолго обескровивших крестьянство и парадоксальным образом вернувшие страну в модерн и урбанизацию, плоды которых общество стало пожинать уже в 1960-е и 1990-е годы, ставшие очередными этапами затяжной буржуазной революции в России.

Нынешняя ее фаза и соответствующая новая волна буржуазного национализма (похоже, опять с наступанием на те же грабли примордиалистского понимания нации, за что отдельное «спасибо» сталинской национальной политике – но это уже другая история), привели к трансформациям исторической памяти, выразившимся в канонизации Николая Романова как жертвы, принявшей мученическую смерть от злодейской руки безропотно, новым политическим (но в большей степени – нравственным) оценкам и переоценкам династии, образа жизни двора, а значит, и фигуры Г. Распутина, на трагическую судьбу которого накладывалась судьба всей царской семьи, если не империи в целом.

В этом плане, осмысление роли, значения и судьбы этого персонажа, фокусирующего узловые моменты 1900-х годов российской истории, оказывается чрезвычайно показательным и поучительным кейсом, осмысление которого зависимо от общего хода развития российского общества, оценок его имперского прошлого, царской династии. Г. Распутин был и остается частью этой истории и заметным персонажем ее наррации.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Ратьковский И.С.

***К вопросу о февральско-мартовских арестах «бывших» в
Петрограде в 1917 г. (по материалам ЦГАИПД СПб)***

Февральская революция 1917 г. была событием, в котором переплелись самые различные движения: как кабинетные и околокабинетные интриги и политические акции деятелей российского либерального общественного движения, так и солдатско-матросский и рабочий радикализм. Движение «низов» было порождено как социальными реалиями эпохи, так отчасти инициировано политическими партиями и группами. Зачастую эта энергия использовалась при выполнении конкретных задач, стоявших перед формирующейся новой властью.

Одной из таких задач была ликвидация старого дореволюционного аппарата, выборочные аресты наиболее одиозных его представителей. Арестованные доставлялись в Таврический дворец, где попадали в руки членов следственных структур – Комиссии по принятию задержанных военных и высших гражданских чинов Временного комитета Государственной

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

(на октябрь 2020 г.)

Алешин Владимир Сергеевич – студент 4-го курса ИИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Бажанов Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории ИИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Балясникова Александра Валерьевна – студентка 3-го курса (педагогическое образование) РГПУ (Выборгский филиал) (Выборг, Ленинградская область, Россия);

Барыкина Инна Евгеньевна – доктор исторических наук, доцент, профессор РГПУ им. А.И. Герцена (Выборгский филиал), ассоциированный научный сотрудник СПб ИИ РАН по Отделу новой истории России (Выборг, Ленинградская область, Россия);

Билеуш Ксения Константиновна – учитель истории и обществознания ГБОУ СОШ № 182, лаборант ИИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Васильев Иван Николаевич – студент 2-го курса магистратуры (история) ИИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Великодная Надежда Юрьевна – учитель истории и обществознания ГБОУ СОШ № 182 (Санкт-Петербург, Россия);

Гавроева Екатерина Сергеевна – ассистент кафедры русской истории ИИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Гордеев Петр Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры русской истории ИИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Давыдов Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории ИИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Евдокимов Артем Владимирович – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета Минздрава РФ (Нижний Новгород, Россия);

Жуков Константин Сергеевич – ведущий редактор, издательство ООО «Просвещение-Союз» (Москва, Россия);

Захаров Александр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории ИИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Златина Мария Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории ИИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Имангулова Юлия Раифовна – студентка 4-го курса Института истории СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия);

Кандаурова Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия);

Кириллова Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия);

Колоницкий Борис Иванович – доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия);

Коцюбинский Даниил Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук факультета свободных искусств и наук СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия);

Макаров Константин Олегович – независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия);

Малюченко Дмитрий Алексеевич – студент 1-го курса магистратуры кафедры новейшей истории России СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия);

Мишин Егор Викторович – студент 3-го курса бакалавриата Института истории СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия);

Морозова Светлана Алексеевна – кандидат педагогических наук, профессор кафедры теории права и гражданско-правового образования юридического факультета РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Мурашев Аркадий Анатольевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и философии Московского государственного строительного университета (Москва, Россия);

Николаев Андрей Борисович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории ИИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Париева Лада Руслановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов Факультета архивоведения и документоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия);

Пашкова Татьяна Ильинична – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории ИИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Ратьковский Илья Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры Новейшей истории России Института истории СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия);

Решетников Степан Владимирович – аспирант Центра военной истории России Института российской истории РАН (Москва, Россия);

Рогущина Людмила Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории ИИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Романенчук Кира Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и истории педагогики РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Румянцев Андрей Георгиевич – кандидат исторических наук, главный архивист ЦГИА СПб (Санкт-Петербург, Россия);

Сидорчук Илья Викторович – кандидат исторических наук, доцент факультета свободных искусств и наук СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия);

Смирнова Анна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории ИИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Смотрина Маргарита Владимировна – студентка 2-го курса магистратуры (история) ИИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Спицина Евгения Викторовна – выпускница аспирантуры кафедры русской истории РГПУ, инженер НИУ ИТМО (Санкт-Петербург, Россия);

Стогов Дмитрий Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) (Санкт-Петербург, Россия);

Сюткина Марта Александровна – бакалавр искусств СПбГУ, магистрант кафедры ЮНЕСКО РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Трибунский Павел Александрович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва, Россия);

Тулчинский Григорий Львович – доктор философских наук, профессор СПбГУ, профессор НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург, Россия);

Фруменкова Татьяна Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории ИИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Хуциева Виктория Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории ИИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Шариш Ирина Игоревна – студент 1-го курса магистратуры (педагогическое образование) ИИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Шувалова Анастасия Николаевна – младший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела редкой книги Библиотеки Российской академии наук; аспирант кафедры истории России с древнейших времен до XX века СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия);

Эйльбарт Наталия Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории ИИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия).

Ястребов Даниил Олегович – студент 3-го курса ИИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия).

СПИСОК ОСНОВНЫХ АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

- БЛМ** – Black Lives Matter (BLM — «Жизни черных важны») общественное движение, выступающее против расизма и насилия в отношении чернокожих;
- ВВС** – военно-воздушные силы;
- ВЗС** – Всероссийский земский союз;
- ВКГД** – Временный комитет Государственной думы;
- ВКР** – выпускная квалификационная работа;
- ВМИУ** – Военно-морское инженерное училище;
- ВСГ** – Всероссийский союз городов;
- ВСНХ** – Высший совет народного хозяйства;
- ГА РФ** – Государственный архив Российской Федерации;
- д.и.н., д. ист. н. – доктор исторических наук;
- ЕГЭ** – Единый государственный экзамен;
- ЖАКТ** – жилищно-арендное кооперативное товарищество;
- Жилсоюз** – Ленинградский жилищный союз;
- ЖМИ** – Женский медицинский институт;
- ЖПО** – Женское патриотическое общество;
- ЖСКТ** – жилищно-строительное кооперативное товарищество;
- Завком** – заводской комитет (профсоюзной организации);
- ИИСН** – Институт истории и социальных наук;
- к.и.н., к. ист. н. – кандидат исторических наук;
- КБФ** – Краснознаменный Балтийский флот;
- КОТ** – Казанское общество трезвости;
- МВД** – Министерство внутренних дел;
- МГОУ** – Московское городское общественное управление;
- МГУ** – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
- МНП** – Министерство народного просвещения;
- МСБМ** – Морские силы Балтийского моря;
- НКВД** – Народный комиссариат внутренних дел;
- НЭП** – новая экономическая политика;
- ОГПУ** – Объединенное государственное политическое управление;
- ОДРИ** – «Общество друзей русской истории»;
- ОО** – Особый отдел;
- ОПЕК** – Организация стран-экспортеров нефти. (The Organization of the Petroleum Exporting Countries);
- ОР РНБ** – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки;
- ОР СПбГМТиМИ** – Отдел рукописей Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства;
- Политбюро ЦК ВКП(б)** – Политическое бюро Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии большевиков;

ППС – Польская социалистическая партия (Polska Partia Socjalistyczna, PPS);
ПСЗ-2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе;
ПСЗ-3 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье;
ПСТГУ – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет;
ПУБАЛТ – Политическое управление Балтийского флота;
Рабфак – рабочий факультет;
РАН – Российская академия наук;
РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота;
РГАДА – Российский государственный архив древних актов;
РГВА – Российский государственный военный архив;
РГИА – Российский государственный исторический архив;
РГПУ – Российский государственный педагогический институт имени А.И. Герцена;
Реввоенсовет, РВС – Революционный военный совет;
РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия;
РККФ – Рабоче-крестьянский Красный флот;
РО ИРЛИ РАН – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук;
РОКК – Российское общество Красного креста;
РСДРП (б) – Российская социал-демократическая партия (большевиков);
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая республика;
РФФИ – Российский фонд гуманитарных исследований;
СДКПиЛ – Социал-демократия Королевства Польского и Литвы;
СКСО – Совет комиссаров Северной области;
СНиС – служба наблюдения и связи;
СНК – Совет народных комиссаров;
СОШ – средняя общеобразовательная школа;
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет;
СРН – Союз русского народа;
СССР – Союз Советских социалистических республик
Турксиб – Туркестано-Сибирская железная дорога;
ФГОС ВО – Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования;
ФЗ – Федеральный Закон;
ЦГАИПД СПб – Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга;
ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга;
ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга;

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга;

Цехком – цеховой комитет (профсоюзной организации);

ЦИК – Центральный исполнительный комитет Советов;

ЦКБФ – Центральный комитет Балтийского флота;

ЦКК ВКП (б) – Центральная контрольная комиссия ВКП (б);

ЦНИИ ВМС – Центральный научно-исследовательский институт Военно-морских сил;

ЦОК – Центральный обывательский комитет;

COVID-19 – аббревиатура от англ. COronaVIrus Disease 2019 – коронавирусная инфекция 2019 года.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ.....	3
ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	10
Фруменкова Т.Г. Мариинские благотворительные и учебно-воспитательные заведения в эвакуации (1812 – 1813 гг.).....	10
Барыкина И.Е. Такие разные министры: министры народного просвещения гр. Д.А. Толстой и гр. И.И. Толстой	33
Ястребов Д.О. Традиции празднования юбилеев Санкт-Петербургских мужских гимназий во второй половине XIX – начале XX вв.....	42
Шариш И.И. К вопросу о руководящем и преподавательском составе служащих Екатерининской женской гимназии (1873 – 1918 гг.).....	45
Пашкова Т.И. Вопрос о материальном положении учителей средней школы в контексте образовательных реформ начала XX в.	51
Романенчук К.В. Т.М. Беляев – председатель Совета попечителей Института императрицы Марии.....	60
Трибунский П.А. Х. Кундуrow и росcиеведение в колледже Армстронг (Великобритания)	66
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ.....	71
Шувалова А.Н. Пантелеймоновская богадельня Санкт-Петербурга в XVIII столетии.....	71
Балясникова А.В. Скрытые смыслы указа о вольных хлебопашцах.....	75
Мурашев А.А. «О ком звонит “Колокол”...» (А.И. Герцен о князе П.Б. Козловском).....	81
Рогущина Л.Г. Государственные и общественные благотворительные организации по оказанию помощи пострадавшим в ходе военных конфликтов во второй половине XIX века	91
Кандаурова Т.Н. Из повседневной жизни российского купечества (вторая половина XIX в. – нач. XX в.): социокультурные практики и благотворительная деятельность	96
Спицина Е.В. К вопросу о политических взглядах Р.А. Фадеева (конец 1870 – начало 1880-х гг.).....	108
Макаров К.О. Судебный постскриптуm демонстрации 4 марта 1901 г. в Санкт-Петербурге: курсистка Прасковья Забиякина против градоначальника Николая Клейгельса.....	117
Стогов Д.И. Участие дореволюционных правых организаций в деятельности по борьбе с пьянством	124

Румянцев А.Г. Судьба пристава 2-го участка Выборгской части П.Г. Зарембского в 1914 – 1917 гг.....	130
Захаров А.М. «Система освещения земного шара»: чехословацкие агенты русской военной разведки в 1914 – 1917 гг.....	149
Смирнова А.М. К легенде о «русском паровом катке» в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.)	156
Васильев И.Н. Польские беженцы и «топливный вопрос» в переписке А.Б. Нейдгардта с правительственными и благотворительными учреждениями (осень 1914 – лето 1915 гг.).....	162
Златина М.А. Дело «Родины»: благотворительные организации помощи жертвам войны и проблема контроля за расходованием выделенных им средств (осень – зима 1915 г.)	166
Гавроева Е.С. Взаимоотношения председателя Государственной думы М.В. Родзянко и председателя Совета министров А.Ф. Трепова в 1916 г.....	174
Имангулова Ю.Р. Иван Иванович Дмитриуков: жизнь и новые выявленные обстоятельства смерти.....	179
Мишин Е.В. Консервация фабрики «Треугольник» (февраль – июнь 1918 г.).....	184
Париева Л.Р. Вопросы организации быта и городского хозяйства в распорядительных документах Белой армии (1918 – 1920 гг.) (по материалам Российского государственного военного архива).....	191
Давыдов А.Ю. К вопросу об источниках и о результатах социально-экономической «модернизации» 1930-х гг. в СССР	196
Кириллова Е.А. ЖАКТы и ликвидация жилищного самоуправления в СССР в 1930-е гг. (по материалам Ленинграда).....	203
Малюченко Д.А. Роль Реввоенсовета флота в проведении чисток личного состава Морских сил Балтийского моря в 1933 – 1934 гг.....	210
Алешин В.С. Рабочие факультеты Петрограда-Ленинграда в 1920-е – 1930-е гг. (отечественная историография проблемы)	217
РОКОВОЙ СТАРЕЦ И КРАХ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ: ГРИГОРИЙ РАСПУТИН В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОКОВ И ПОТОМКОВ.....	221
Сидорчук И.В. «Доктор медицины» Низье Филипп: личность в контексте проблемы научных aberrаций как формы досуга и истории взаимоотношений ученого сообщества и власти в России.....	221
Коцюбинский Д.А. Фактор Григория Распутина и кризис легитимности самодержавной власти в России в межреволюционные годы (1909 – 1916)	226
Сюткина М.А. Проблема плагиата и фактологических подтасовок в российской прессе начала XX в.: газетная полемика в связи с сообщениями о покушении на Г.Е. Распутина (июнь – июль 1914 г.)	256

Колоницкий Б.И. Образ Распутина в политических слухах	265
Жуков К.С. Голос с того света. Григорий Распутин в поэзии его современников	271
Тульчинский Г.Л. Григорий Распутин в динамике наррации исторической памяти.....	276
РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ	281
Ратьковский И.С. К вопросу о февральско-мартовских арестах «бывших» в Петрограде в 1917 г. (по материалам ЦГАИПД СПб)	281
Смотрина М.В. Военный и морской министр А.И. Гучков в марте 1917 г. (по материалам петроградской периодической печати)	286
Николаев А.Б. Ломовые извозчики перед временными судами (март – июль 1917 г., Петроград).....	301
Захаров А.М. Белгородский запасной полк Польской стрелковой дивизии в июне – июле 1917 года (по материалам инспекции).....	319
Бажанов Д.А. Начало политической борьбы в Центробалте в корниловские дни: к истории одной резолюции	323
Гордеев П.Н. «Совет по управлению государственными театрами»: последняя попытка Ф.Д. Батюшкова противостоять большевикам	330
ЕЖЕГОДНЫЙ ГОРОДСКОЙ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ЮБИЛЕЙ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: УРОКИ И ИТОГИ» (18 ФЕВРАЛЯ 2021 Г.)	334
Бажанов Д.А., Хуциева В.В. Студенты-историки младших курсов как носители исторической памяти (по материалам анкетирования студентов I и II курсов института истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена, направление «История»).....	334
Билеуш К.К., Великодная Н.Ю. Память о Великой Отечественной войне у подрастающего поколения (по материалам опроса школьников 9 – 11 классов)	340
Захаров А.М. Студенты и 75-летие Победы (по материалам анкетирования 4-го курса ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена)	346
Златина М.А. К 75-летию Великой победы: Великая Отечественная война в восприятии молодежи (анализ результатов анкетирования студентов 1-го курса профиля «Историческое образование» ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена) ...	348
Рогушина Л.Г. Студенты 3-го курса направления «История», 2-го курса направления «Педагогическое образование», модули «Краеведческое образование», «Религиоведческое образование» и восприятие Юбилея Победы в Великой Отечественной войне	353
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ТРУДЫ	357

Златина М.А. Программа дисциплины «Музееведение» в формате дистанционного обучения	357
Хуциева В.В. Рабочая программа дисциплины «История российского военно-морского образования в начале XX века»	363
Пашкова Т.И. Работа студентов первого курса с научными и научно-популярными текстами: поиск новых форм	368
Рогушина Л.Г. Методические рекомендации по работе с исследовательской литературой	370
Николаев А.Б. Правила оформления и требования к выпускной квалификационной работе (ВКР) по программам бакалавриата и магистратуры, подготовленных на кафедре русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена	373
Морозова С.А. Проблема получения фундаментального юридического университетского образования современным поколением студентов	378
КРИТИКА	384
Эйльбарт Н.В. Отзыв официального оппонента на диссертацию Федотова Вадима Евгеньевича «Киево-Могилянская академия и развитие образования на Украине XVII – первая четверть XVIII вв.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03. – Всеобщая история	384
Николаев А.Б. Отзыв официального оппонента о диссертации Дмитрия Анатольевича Андреева «“Красное студенчество” в начале 1920-х гг.», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история	387
Евдокимов А.В. Рецензия на сборник: Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2018.	391
Решетников С.В. Рецензия на сборник: Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция. С.-Петербург, 16 марта 2018 г. Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и сост.), Д.А. Бажанов. СПб., 2019.	396
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	402
СПИСОК ОСНОВНЫХ АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ	405
СОДЕРЖАНИЕ	408

ГЕРЦЕНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2020

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Сборник научных и учебно-методических трудов

Компьютерная верстка и оригинал-макет:
К.К. Билеуш

ЦНИТ «АСТЕРИОН»

Подписано в печать 19.04.2021. Формат 60x84 1/16. 25,75 усл. печ. л.

Тираж 100 экз. Печать офсетная. Заказ № 057

Санкт-Петербург, 191015, а/я 83,

тел. /факс (812) 685-73-00, 663-53-92, 970-35-70

asterion@asterion.ru <http://www.asterion.ru>

https://vk.com/asterion_izdatelstvo